ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Годъ 4-й. Воскресенье, 23 октября 1927 года. № 43.

„Тебѣ глаголю: встань!"

(Лук. 7, ст. 14).

Широкія Наинскія ворота открыты настежь. Словно лавина, толпа народная сквозь нихъ ползетъ туда, за городъ, къ кладбищу.

На погребальныхъ — ритуальныхъ ношахъ, поднятыхъ высоко, покачиваются неравномѣрно окоченѣвшіе останки юноши—единственнаго сына вдовицы бѣдной изъ Наина.

Глухо толпа шумитъ... То вдругъ прорвется неожиданный и сдавленный гортанный возгласъ... то въ кружкѣ съ лептой похоронной несмѣло звякнутъ вдругъ монетки—мелочь...

А плакальщицы нанятыя, начавши изъ дому, на протяженьи длиннаго и скорбнаго пути все ноютъ, ноютъ, ноютъ...

Но царствуетъ надъ цѣлымъ шествіемъ скорбь матери — вдовы: ея печальный стонъ и причитанья такъ и стоятъ у всѣхъ въ ушахъ.

Не взвидѣвъ свѣта, спотыкаясь, спѣшитъ унылая вдовица вслѣдъ за носилками, за край ихъ судорожными своими цѣпкими руками отчаянно хватаясь.

И слезы материнскія—не покупныя—невысыхающимъ ручьемъ струятся съ воспаленныхъ глазъ, и голосъ ея надорвавшійся ужъ не похожъ на голосъ человѣка: вопитъ-хрипитъ она, подобно звѣрю, прострѣленному смертельною стрѣлой ..

Тяжелая представилась картина апостоламъ-ученикамъ и Господу-Христу, которые въ кругу другой огромнѣйшей толпы народа стремились въ городъ.

Здѣсь, на дорогѣ, у стѣны Наинской, столкнулись эти двѣ народныя лавины: одна—процессіей погребальною была, въ центрѣ второй—смиренно шествовалъ убогій Галилеянинъ—Учитель, невѣдомый людямъ Начальникъ жизни и жала смерти Сокрушитель.

Заслышавъ материнскій вопль отчаянія крайняго, умилосердился Господь и говоритъ вдовѣ: „Не плачь!"

Потомъ, придя къ носилкамъ, Онъ коснулся ихъ, какъ бы задерживая этимъ жестомъ шествующую побѣдоносно смерть.

Носильщики остановились...

И, обратясь къ умершему, сказалъ Христосъ: „Юноша, тебѣ глаголю: встань!"

И мертвый ожилъ, на носилкахъ приподнялся, сѣлъ и началъ говорить... И отдалъ его Іисусъ Христосъ обрадованной матери...

А весь народъ отъ ужаса затрепеталъ, и громогласно славили всѣ Бога, говоря, что межъ людей возсталъ Пророкъ великій, и что Господь пришелъ и посѣтилъ народъ избранный Свой.

* * *

Неслышными для уха посторонняго, незримыми чужимъ очамъ кровавыми слезами материнскими рыдаетъ нынѣ новая осиротѣвшая Наинская вдовица—Церковь.

Жестокій ангелъ вѣчной смерти ежеминутно похищаетъ у Нея Ея любимыхъ дѣтокъ...

Гангрена атеизма и разновидныхъ толковъ вредныхъ, сектъ, расколовъ, ересей и суевѣрія толпой громадною влечетъ на вѣчное кладбище отъ сердца материнскаго оторванныхъ дѣтей...

Ахъ, если бъ поскорѣй (пусть это будетъ даже и надъ самою могилой!) остановилась вакханалья страшная могучимъ жестомъ Іисуса!

О, если бъ тріумфаторъ—сатана и въ наши дни запятъ былъ вновь и, побѣжденный, скрылся! А христіанскій православный міръ, чтобъ въ трепетѣ сердечномъ такъ молился:

„Да будетъ слава Богу ввѣкъ: пророкъ великій всталъ межъ насъ, и посѣтилъ Господь избранниковъ—людей Своихъ и всѣхъ отъ явной смерти спасъ!"

. . . .

Увы! Пророка—нѣтъ. Хитонъ Церкви—вдовы шатаніемъ языковъ весь истерзанъ. Въ сердцахъ дѣтей, вмѣсто любви,—пустыня. И знаменіе времени—кощунственная мерзость запустѣнія въ душахъ все ширится, растетъ, растетъ, растетъ...

И звѣрь — Левіафанъ изъ моря жизни вынырнулъ уже...

Волнуется, клокочетъ и рветъ житейскій бурный океанъ, стараясь всѣхъ насъ поглотить.

Когда жъ, когда же, наконецъ, намъ погибающимъ спасительную руку помощи Господь протянетъ и скажетъ людямъ, мертвымъ духомъ:

„Тебѣ глаголю: встань!" И, повинуясь волѣ Бога, міръ мертвый къ новой жизни вновь воспрянетъ?

Всемірная Конференція Практическаго Христіанства.*)

ГОДИЧНОЕ СОБРАНІЕ „КОМИТЕТА ПРОДОЛЖЕНІЯ" КОНФЕРЕНЦІИ 20—23 ІЮЛЯ 1927 ГОДА ВЪ г. ВИНЧЕСТЕРѢ, ВЪ АНГЛІИ.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ХРИСТІАНСТВО И ПРАВОСЛАВІЕ.

Православный взглядъ на дѣло Практическаго Христіанства долженъ былъ изложить предъ собраніемъ, согласно программѣ, греческій митрополитъ Германъ. Но онъ экстренно былъ вызванъ въ Лондонъ на заупокойное богослуженіе по случаю смерти Румынскаго короля и отъ его имени выступилъ профессоръ Аѳинскаго Университета Аливисатосъ. Онъ началъ съ заявленія, что вселенскій Константинопольскій патріархъ съ полной опредѣленностью выразилъ стремленіе и готовность Православной Церкви работать совмѣстно со всѣми христіанскими церквами въ дѣлѣ осуществленія возглашенныхъ въ Стокгольмѣ идеаловъ и благословляетъ на эту работу каждаго православнаго христіанина.

Православной Церкви часто ставятъ въ вину ея теоретическій и практическій мистицизмъ и указываютъ на увлеченіе въ ней вѣрующихъ личнымъ аскетизмомъ и на отходъ ея отъ общественной жизни. Въ этомъ взглядѣ много преувеличеннаго. Православная Церковь не уклонялась и не уклоняется принципіально отъ соціальной работы. Достаточно вспомнить изъ первыхъ вѣковъ ея такихъ церковно-общественныхъ дѣятелей, какъ Василій Великій или Іоаннъ Златоустъ. Много подобныхъ именъ могутъ указать разныя вѣтви Православной Церкви и изъ позднѣйшихъ временъ. Но условія, въ какихъ эти церкви жили, не всегда благопріятствовали ихъ соціальной активности. Однако, онѣ и тогда не оставляли ея, только работа этого рода принимала у нихъ особыя формы. Люди, какъ справедливо говорятъ, массами уходили въ монастыри, даже въ пустыни. Но развѣ монастыри и пустынножители не работали на общество? Вѣдь, гдѣ же, какъ не здѣсь, положено начало больницамъ, госпиталямъ, пріютамъ для сиротъ и престарѣлыхъ? Не монахи ли и пустынножители шли на помощь міру въ годины голода, всякихъ моровыхъ язвъ, междоусобныхъ и международныхъ войнъ? Нѣтъ, Православная Церковь по мѣрѣ возможности всегда старалась проводить въ практическую жизнь теоретическія положенія Христіанства.

Въ тѣхъ формахъ, въ какихъ соціальный вопросъ представалъ предъ Православною Церковью, она, какъ могла, разрѣшала его. Нынѣшнія въ высшей степени сложныя и острыя формы его доселѣ были ей почти неизвѣстны. Онѣ выросли на Западѣ. Здѣсь силѣ соціальныхъ теченій способствовалъ совершенно иной укладъ народной и государственной жизни. Отсюда соціальныя задачи надвигаются нынѣ и на Востокъ, въ сферу вліяній Православной Церкви. И она уже готовится встрѣтить ихъ и отнюдь не намѣрена уходить отъ нихъ въ монастыри и пустыни, въ мистицизмъ и аскетизмъ. Послѣднія проявленія ея духа освящаютъ для нея борьбу со зломъ и неправдой жизни и укрѣпляютъ ея силы на эту борьбу. Она уже вошла въ общеніе съ Западомъ и старается использовать его опытъ въ трактованіи соціальныхъ проблемъ. Она вполнѣ учитываетъ и значеніе коопераціи въ этомъ дѣлѣ. Она понимаетъ, что если Христіанство займется проведеніемъ въ жизнь Евангельскихъ завѣтовъ какъ одинъ живой организмъ, то это движеніе его можетъ измѣнить лицо всей земли.

Этой вдохновляющей мыслью и вѣрой направляется и работа Правосл. Церкви въ Комитетѣ Продолженія Стокгольмской Конференціи Практическаго Христіанства. Не смотря на препятствія, какія создали вѣка раздѣленія между церквами, не смотря на расовыя и національныя различія и предубѣжденія ихъ членовъ, сотрудничество ихъ весьма успѣшно налаживается Комитетомъ. Надо только помнить, что движеніе это не принесетъ должныхъ плодовъ до тѣхъ поръ, пока имъ не заинтересуются и не примутъ участія въ работѣ Комитета не только вожди Церкви, но и каждый послѣдователь Христа.

ОТНОШЕНІЕ АМЕРИКИ КЪ ДѢЛУ.

Послѣднимъ говорилъ американскій священникъ конгрегаціоналистъ д-ръ Кадманъ. Особенностью этого блестящаго оратора является какъ бы разговорный характеръ его рѣчи и ляпидарность ея. Съ другой стороны, онъ, какъ истый американецъ, любитъ любовно иронизировать надъ своей страной и народомъ ея и пересыпаетъ свою рѣчь блестками юмора, который неизмѣнно вызываетъ въ публикѣ то добродушный смѣхъ, а то и взрывъ хохота. Это свойство американскихъ рѣчей даже смущало нѣкоторыхъ европейскихъ участниковъ Винчестерской Конференціи. „Дѣло идетъ о такихъ серьезныхъ вещахъ,—говорили они,—постоянно поминается имя Господне, а они шутятъ и заставляютъ людей хохотать". Но это отнюдь не отсутствіе у американцевъ серьезности, а тѣмъ менѣе должнаго уваженія къ темамъ Конференціи, а свойство истыхъ „янки" и обычная манера американскихъ ораторовъ на публичныхъ митингахъ. И за ней есть и психологическій разсчетъ извѣстный.

Нельзя слишкомъ утомлять публику, въ особенности, такъ сказать, сборную. Напряженному вниманію ея дается шуткой отдыхъ. Тогда ей легче слѣдить и за серьезной мыслью оратора и она легче и усвоитъ ее. Иначе она перестанетъ слушать, а другой разъ и не пойдетъ на митингъ.—За рѣчью д-ра Кадмана, во всякомъ случаѣ, чувствовалась глубокая убѣжденность, сильный характеръ и заразительная дѣловая энергія. Такая рѣчь можетъ быть передана точно только въ стенографической записи, а мы можемъ указать лишь главныя мысли ея.

Американцы, говорилъ д-ръ Кадманъ, любятъ кичиться демократичностью своей страны, ея строя и народа. Конечно, она много хорошаго дала имъ, но она отнюдь не панацея отъ всѣхъ бѣдъ жизни. Что, напр., поможетъ демократизмъ въ вопросѣ, какъ рабочему использовать свое свободное время или какимъ развлеченіямъ отдать предпочтеніе? Или чего можно ждать отъ демократизма въ области домашней, семейной жизни?

Точно также нельзя всего ждать и отъ правительства, какъ это часто практикуется и въ Америкѣ и еще больше въ Европѣ. Нельзя и на Церковь все сваливать, обвиняя ее въ недостаткѣ активности въ смыслѣ практическаго проведенія въ жизнь тѣхъ принциповъ, которые она теоретически исповѣдуетъ и очень краснорѣчиво иногда возглашаетъ съ проповѣдническихъ каѳедръ своихъ. Мы ее обвиняемъ въ этомъ, а когда она на самомъ дѣлѣ пытается вмѣшаться въ наши жизненные споры, какъ это было напр. во время угольнаго страйка въ Англіи или же-

*) См. „Воскресное Чтеніе" № 38, 40, 41, 42.

лѣзнодорожныхъ забастовокъ въ Америкѣ, мы горячо протестуемъ и начинаемъ вопить, что это ея не касается, что ея дѣло молитва, благотворительность...

Ни на кого и ни на что не оглядываясь, христіане всѣ и всюду должны сами и именно объединенными силами взяться за работу надъ устроеніемъ своей жизни во всѣхъ ея областяхъ на основѣ христіанскихъ началъ. Религія—вотъ наша нужда въ общей бѣдѣ нашей. Безъ нея ничего не достигнемъ, не наладимъ жизни. Безъ нея жизнь „раз-лаживается", разлагается. Если при этомъ мы будемъ обсуждать только богословскіе или церковные вопросы, то будемъ лишь спорить и ссориться. А въ практической работѣ не такъ ужъ трудно сговориться. И Комитетъ Продолженія уже показалъ это. Онъ вѣритъ въ силу Божію, вѣритъ въ то, что Царствіе Божіе можетъ и должно возобладать на землѣ. Эту вѣру онъ хотѣлъ бы всѣмъ внушить, чтобы всѣ съ нимъ вмѣстѣ стали на работу въ виноградникѣ Христовомъ. И разъ всѣ мы вѣримъ, что Богъ—Отецъ нашъ, то на Церковь Его должны всѣ смотрѣть какъ на Мать свою. Неужели возможно не видѣть тогда брата своего въ каждомъ человѣкѣ, не взирая на расу его или цвѣтъ кожи? Мы можемъ быть очень и очень практичны и активны въ своей жизни, но спасутъ насъ только истинно христіанское братство, священный мистицизмъ и Церковь.

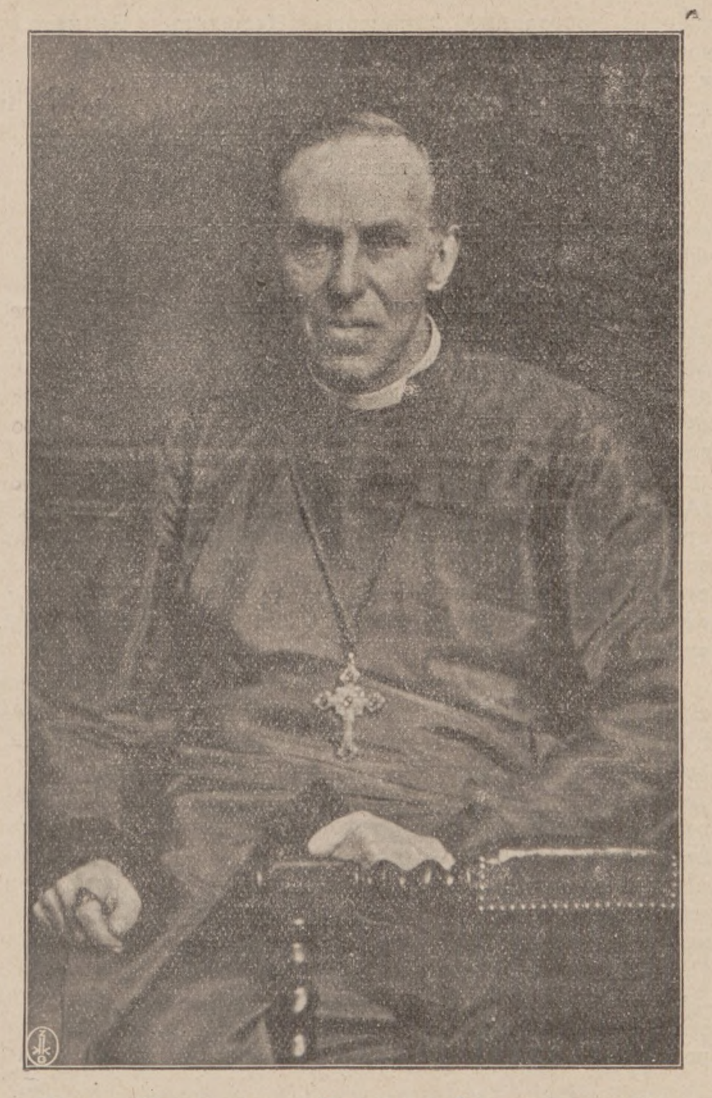
Америка, что бы она ни думала о себѣ, многимъ обязана Европѣ. Отсюда началась ея исторія; здѣсь, въ старомъ свѣтѣ и старой цивилизаціи, ея корни. Отсюда, особенно изъ Англіи, помогаютъ ей разумѣть и истинный смыслъ демократіи. Свой долгъ Америка разсчитываетъ вернуть Европѣ въ духовныхъ цѣнностяхъ—тѣмъ участіемъ, какое она принимаетъ въ помощи человѣчеству осуществить въ своей жизни намѣренія своего Творца

„ЛИГА ЦАРСТВІЯ БОЖІЯ".

Заключая митингъ, епископъ Винчестерскій назвалъ его небывалымъ въ анналахъ не одного только Винчестера и высказалъ увѣренность, что его никто изъ участниковъ никогда не забудетъ. Онъ, какъ и вся Конференція Комитета Продолженія, является демонстраціей солидарности людей разныхъ исповѣданій, націй и расъ въ вѣрѣ и въ пониманіи и явленіи силы вѣры. Это солидарность въ преданности дѣлу Царствія Божія, которая вполнѣ понимаетъ безконечное разнообразіе проблеммъ и трудностей, какія стоятъ на пути его осуществленія на землѣ, но нисколько не унываетъ предъ ними. Здѣсь, говорилъ почтенный епископъ, указывая на возсѣдавшихъ предъ собраніемъ членовъ Конференціи, вы видите предъ собою Лигу Націй. А вглядываясь въ дѣло глубже, надо сказать и больше: это Лига Царствія Божія, безъ которой никакая Лига Націй не была бы ни возможной, ни устойчивой. Зато съ нею и съ ея силой и вѣрой все возможно для вѣрующихъ..

Митингъ законченъ былъ общимъ пѣніемъ гимна Славословія (Doxology) и благословеніемъ, которое преподалъ всѣмъ Высокопреосвященный Митрополитъ Болгарскій Стефанъ.

Епископъ Винчестерскій правъ, несомнѣнно, сказавши, что этотъ митингъ навсегда останется памятнымъ всѣмъ участникамъ его. По выраженію лицъ расходившихся очевидно было, что онъ произвелъ на всѣхъ громадное впечатлѣніе. Люди чувствовали, что вводятся въ участіе не въ обычномъ житейскомъ предпріятіи, а въ дѣлѣ, чуждомъ всякаго корыстнаго, партійнаго, преходящаго интереса,—въ начинаніи, имѣющемъ универсальное значеніе и освященномъ чистой, святой идеей.



Сесиль Баутфляуэръ, Епископъ Саутгемптонскій, Викарій Винчестерской Епархіи въ Англіи.

ТРЕТІЙ ДЕНЬ КОНФЕРЕНЦІИ.

Бюджетъ Комитета Продолженія.

Третій день своихъ занятій, 22 Іюля Конференція начала съ разсмотрѣнія денежнаго отчета за истекшій годъ работы Комитета Продолженія и съ утвержденія бюджета на 1927—1928 годъ.

Отчетъ минувшаго года показалъ, что ассигнованныхъ на нужды Комитета 600 фунтовъ стерлинговъ ему хватило и по нѣкоторымъ Комиссіямъ его получился даже незначительный остатокъ. Но это было достигнуто путемъ самой внимательной экономіи и благодаря тому, что никакихъ жалованій Комитетъ никому не платилъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ его Комиссіи пользовались чужими канцеляріями разныхъ сочувствующихъ имъ учрежденій или организацій. Самую большую часть расходовъ поглощаютъ платежи за помѣщенія, разъѣзды и публикаціи.

Бюджетъ на 1927—1928 г., считая финансовый годъ отъ нынѣшняго годичнаго собранія до слѣдующаго, утвержденъ опять въ той же суммѣ 600 ф. стерлинговъ. Ее должны доставить въ равныхъ доляхъ секціи Американская, Англійская и Европейская. Кромѣ того, какъ было уже указано, 1,672 ф. ассигновано на годъ на Институтъ Соціальныхъ Изысканій, не включая въ эту сумму спеціальныхъ расходовъ по изданію его „Обозрѣнія".

Для завѣдыванія всѣми финансовыми операціями Комитета, включая и его Соціальный Институтъ,

избранъ постоянный Финансовый Комитетъ. Въ него вошли: предсѣдателемъ д-ръ Ерихъ Станге (Кассель) и членами — др. Г. Аткинсонъ (Нью-Іоркъ), д-ръ А. Келлеръ (Цюрихъ), прот. С. Цанковъ (Софія) и г-жа Л. Гарднеръ (Лондонъ), съ правомъ кооптаціи для усиленія своего состава.

ВОСПИТАНІЕ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.

Послѣ принятія бюджета Комитетъ Продолженія перешелъ къ заслушанію отчета по Комиссіи по воспитанію дѣтей и юношества въ принципахъ международнаго братства и міра. Въ эту Комиссію введены Стокгольмской Конференціей, по взаимному соглашенію, съ одной стороны представители Стокгольмскаго движенія, съ другой—Всемірнаго Содружества (Алліанса) для улучшенія международныхъ отношеній при посредствѣ Церквей. Предсѣдателемъ ея состоитъ проф. Отто Норденскгольдъ (Норвегія), секретаремъ д-ръ Карлгренъ (Швеція). Отъ православныхъ входятъ епископъ Ново-Садскій Ириней и проф. Аливисатосъ изъ Аѳинъ.

Первоначально эта Комиссія носила имя Комиссіи по составленію учебниковъ Commission on Textbooks), такъ какъ въ главную задачу ей поставлено было въ Стокгольмѣ работать надъ изгнаніемъ изъ школьныхъ учебниковъ разныхъ странъ, главнымъ образомъ по исторіи, всего того, что даетъ учащимся неправильное, пристрастное освѣщеніе какъ ихъ національной личности и исторіи, такъ и ихъ сосѣдей или вообще иныхъ народовъ, и этимъ сѣетъ вражду между народами и препятствуетъ міру между ними. Но на собраніи Комитета Продолженія въ 1925 г. въ Бернѣ задачи Комиссіи нѣсколько расширены и потому и названіе ей дано болѣе общее:—Комиссіи по воспитанію.

ЗАДАЧИ КОМИССІИ ПО ВОСПИТАНІЮ.

Принятыя Бернской Конференціей въ этомъ отношеніи постановленія очень важны. Она поставила въ задачу Комиссіи прежде всего подробно обсудить наилучшіе методы къ тому, чтобы бороться съ націоналистической пропагандой въ учебникахъ, съ извращеніемъ въ нихъ истины о другихъ народахъ и съ обидными о нихъ отзывами, съ примѣненіемъ двойной морали къ оцѣнкѣ своего и чужого, когда себя превозносятъ, а другой народъ разсматриваютъ какъ варваровъ, когда ни во что ставятъ культурныя достиженія другихъ, и т. п. Комитетъ долженъ затѣмъ стараться установить въ своей работѣ кооперацію съ учительскими организаціями въ разныхъ странахъ, пропагандировать благорасположенное изученіе чужой исторіи, въ особенности въ области политическаго развитія другихъ народовъ и ихъ культурныхъ и религіозныхъ взглядовъ, всячески предупреждать недобросовѣстное использованіе уроковъ исторіи для цѣлей пропаганды и способствовать появленію въ печати соотвѣтствующихъ статей или историческихъ изысканій. Важность всего этого вопроса Комитетъ долженъ предложить вниманію Національныхъ Совѣтовъ Всемірнаго Алліанса, чтобы добиться въ своей работѣ ихъ сотрудничества. И, наконецъ, въ случаѣ серьезныхъ жалобъ на вредныя для какой-либо страны утвержденія какихъ-либо учебниковъ, Комитетъ долженъ обращать на это вниманіе Всемірнаго Алліанса. Было высказано при этомъ пожеланіе, чтобы въ своей работѣ Комиссія попыталась войти въ непосредственныя сношенія съ правительствами разныхъ странъ черезъ ихъ министерства просвѣщенія.

ПОДГОТОВКА КЪ МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ИСТОРИКОВЪ.

Для осуществленія начертанной программы, даже хотя бы частичнаго, Комитету, само собой, мало было одного года. Поэтому вся работа его въ истекшемъ году носила подготовительный характеръ и велась въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, Комитетъ старался завязать сношенія съ другими сродными организаціями съ цѣлью совмѣстно съ ними влiять въ желательномъ направленіи на общественное мнѣніе, и, во вторыхъ, работалъ надъ составленіемъ общаго съ ними доклада Международному Конгрессу Историковъ, какой долженъ состояться лѣтомъ 1928 г. въ Осло, въ Норвегіи. Вліяніе этого Конгресса людей, которые своими трудами даютъ основы для учебниковъ исторіи въ школахъ, или сами же составляютъ курсы ея, Комитетъ разсматриваетъ какъ важное въ самой высокой степени. Готовитъ онъ также матеріалъ и для доклада на Международной Конференціи Всемірнаго Алліанса въ 1928 г. въ Прагѣ.

РАБОТА НА СѢВЕРѢ ЕВРОПЫ И ВЪ ГЕРМАНІИ.

Въ связи съ докладомъ Комитета въ Осло для него составленъ уже по Швеціи, Даніи и Норвегіи полный списокъ употребляемыхъ тамъ учебниковъ исторіи, а также работъ о методахъ преподаванія ея. Въ Германіи д-ръ С. Кавеpay издалъ критическое обозрѣніе съ націоналистической точки зрѣнія подобныхъ же нѣмецкихъ учебниковъ. Тамъ же появился сборникъ „Deutschland in Lichte ausländischer Lehrbücher", который въ рядѣ цитатъ даетъ иллюстрацію того, какъ школьные учебники Франціи, Бельгіи, Англіи и Америки трактуютъ своего бывшаго Нѣмецкаго врага. Комитетъ съ большимъ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ ту объективность въ передачѣ историческихъ фактовъ, къ установленію какой стремятся обѣ указанныя книги. Еще болѣе обѣщаетъ въ этомъ отношеніи подобная же работа „Denkschrift", которую готовятъ къ слѣдующему году нѣмецкія общества: „Yerband deutscher Geschichtslehrer" и „Allgemeiner deutscher Lehrerverein". Къ Конгрессу въ Осло Комитетъ дастъ резюме ея въ рефератѣ д-ра Рейманна.

Соотвѣтствующіе доклады составляются и относительно Финляндіи и Эстоніи (д-ръ Hjelt), Голландіи (проф. Aalders), Чехословакіи (проф. Zilka), Швейцаріи (др. A. Keller), Бельгіи (др. H. Piroton) и Польши (проф. Гандельсманнъ, членъ Комиссіи для Интеллектуальной Коопераціи при Лигѣ Націй).

ПОЛОЖЕНІЕ ВО ФРАНЦІИ.

Во Франціи на разсматриваемой почвѣ все еще продолжается борьба между пасифистически настроеннымъ „Національнымъ Синдикатомъ публичныхъ учительницъ и учителей" („Syndicat national des institutrices et instituteurs public") и болѣе націоналистической или патріотической тенденціей въ преподаваніи исторіи, какую представляютъ нѣкоторыя издательскія фирмы, отдѣльные дѣятели и газеты (напр. „La Temps"). Результатомъ этого конфликта явилось опубликованное указаннымъ Синдикатомъ „Изслѣдованіе о націонализмѣ и интернаціонализмѣ въ преподаваніи Французской Исторіи послѣ Великой Революціи" (Bulletin Mensuel, Mai 1925). За этой статьей надо признать очень большую цѣнность.

Независимо отъ названнаго Синдиката учителей, но при поддержкѣ Комиссіи по Интеллигентной Коопераціи при Лигѣ Націй, работаетъ во Франціи г. Прюдомо (Prudhommeaux), который старается устано-

вить необходимое соглашеніе между издателями учебниковъ. Онъ же собираетъ матеріалы по Восточной Европѣ для Института Карнеги въ Америкѣ по его „Анкетѣ объ учебникахъ", при чемъ рядъ статей онъ долженъ отсылать авторамъ обратно изъ-за ихъ непримиримаго тона или недостаточно объективнаго освѣщенія историческихъ фактовъ. Ему Комитетъ поручилъ и свой докладъ по Франціи къ Конгрессу въ Осло.

„МИРЪ ЧРЕЗЪ ШКОЛУ"

Въ связи съ задачами Комитета надо отмѣтить прошедшій съ успѣхомъ Конгрессъ „Миръ чрезъ Школу", устроенный 16-20 апрѣля 1927 г. въ Прагѣ Женевскимъ „Международнымъ Бюро Воспитанія". Приготовленія къ нему вели совмѣстно нѣмецкія и чешскія организаціи Чехословакіи. Здѣсь особенное вниманіе было удѣлено вопросу непосредственнаго общенія между собою школьниковъ разныхъ странъ путемъ обмѣна картинами, письмами, визитами и употребленіемъ „эсперанто". Вопросъ о школьныхъ учебникахъ ставили здѣсь делегаты Швеціи и другіе.

ВЪ АНГЛІИ, ИТАЛІИ И АВСТРІИ.

Съ Англіей, какъ и съ Италіей, и Австріей Комитету доселѣ не удалось наладить коопераціи, хотя его представители тамъ ведутъ посильную работу. Въ частности въ Англіи есть свыше 50 организацій, работающихъ на пользу мира, но между ними и спеціалистами исторіи среди ученыхъ и школьныхъ работниковъ, группирующимися въ „Историческую Ассоціацію" и „Ассоціацію ассистентовъ учителей", почти нѣтъ контакта. Послѣднія отказались даже дать какой-нибудь матеріалъ для Конгресса въ Осло.

Докладъ Комиссіи по Воспитанію былъ принятъ Конференціей къ свѣдѣнію и ея бюджетъ въ суммѣ 100 фунтовъ стерлинговъ (50 отъ Комитета Продолженія и 50 отъ Всемірнаго Содружества) утвержденъ, будучи введенъ въ общій бюджетъ Комитета.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧТО ТАКОЕ ЖИВАЯ ЦЕРКОВЬ.*)

ГЛАВА I.

ИСТОРІЯ ЖИВОЙ ЦЕРКВИ.

Нужно отмѣтить также признаки сближенія „Живой Церкви" съ Церковью Римо-Католической. Достойные представители Рима сначала отрицательно относились къ ней. Вотъ что писалъ 12-го іюня 1923 года знаменитый кардиналъ Мерсье съ благословенія самого Папы Англійскому Королю и Президенту Соединенныхъ Штатовъ:

„Повидимому, совѣтская власть готовитъ новое покушеніе. Соборъ („Живой Церкви" въ 1923 г.), отнюдь не имѣющій права говорить отъ имени Православной Церкви, постановилъ лишить сана досточтимаго Патріарха Тихона, виновнаго лишь въ томъ, что онъ остался твердымъ въ исполненіи долга и вѣрнымъ своему духовному служенію въ качествѣ главы Православной Русской Церкви. Цѣль этого нечестиваго постановленія ясна: членамъ собора нужно было облегчить совѣтской власти произнесеніе смертнаго приговора надъ вождемъ, который окруженъ благоговѣйной преданностью всего народа"[114].

Пытались войти въ контактъ съ Ватиканомъ Евдокимъ и Введенскій, обѣщая заступничество передъ совѣтской властью, но, повидимому, по крайней мѣрѣ сначала, ихъ попытки были отвергнуты[115].

Совсѣмъ другія ноты звучатъ въ недавно изданной брошюрѣ президента Папскаго института д'Ербиньи: „Церковная жизнь въ Москвѣ". Ея тенденціозность просто рѣжетъ глазъ. Тихоновскую Церковь онъ старается всячески унизить и высмѣять, говоря, что ея епископы „невѣжественны (стр. 34), сухи, жестки, доносятъ другъ на друга большевикамъ, не проповѣдуютъ, не учатъ катихизису и заботятся лишь о длинѣ своихъ бородъ и волосъ, какъ о божественной работѣ" (стр. 35, 36, 38, 40).

Нѣкоторые его упреки прямо странны; въ особенности охотно повторяетъ онъ выдумки „Живой Церкви" противъ мѣстоблюстителя Митрополита Петра. Наприм., онъ обвиняетъ Митрополита Петра въ томъ, что онъ „сумѣлъ отправить въ ссылку своихъ соперниковъ Митрополита Агаѳангела и Митрополита Кирилла, Митрополита Казанскаго (стр. 67), тогда какъ они, какъ потомъ и самъ Митрополитъ Петръ, были сосланы по интригамъ „Живой Церкви". Въ одномъ мѣстѣ онъ укоряетъ Митрополита Петра въ томъ, что тотъ ранѣе былъ „маленькимъ краснымъ чиновникомъ въ Министерствѣ Культовъ при Керенскомъ" (Стр. 40), а потомъ самъ же говоритъ, что Митрополитъ Петръ ранѣе „былъ старымъ синодальнымъ чиновникомъ въ генеральскомъ чинѣ, отлично знающимъ церковныя дѣла" (Стр. 65—66). Онъ упрекаетъ Митрополита Петра, что тотъ не хочетъ созвать Собора, чтобы „держать власть въ своихъ рукахъ вопреки канонамъ" (Стр. 67), а ранѣе самъ-же д'Ербиньи писалъ, что созвать Соборъ при анти-христіанской власти невозможно[116]. Онъ ставитъ въ счетъ Митрополиту Петру даже предполагаемую дороговизну дачи, въ которой тотъ жилъ (Стр. 29—30), забывая, что не дача, а тюрьма является теперь обычной резиденціей Митрополита Петра, какъ и другихъ достойныхъ православныхъ русскихъ епископовъ. Слова одного большевицкаго чиновника, говорившаго о доносахъ „живцовъ" противъ „тихоновцевъ", онъ злонамѣренно перетолковываетъ въ смыслѣ доносовъ тихоновцевъ другъ на друга (Стр. 41—42). Патріархъ Тихонъ обвиняется въ томъ, что, сговорившись съ „живцами" относительно созыва Собора 1923 г., онъ взялъ свое согласіе обратно, когда увидѣлъ, что противъ него можетъ образоваться большинство, но по мнѣнію д'Ербиньи, Соборъ все-же былъ законнымъ, такъ какъ его призналъ Патріархъ Константинопольскій (Стр 43—44), А ранѣе самъ же д,Ербиньи доказывалъ, что Константинопольскій Патріархъ не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла Русской Церкви и что онъ потерялъ всякое значеніе[117].

Еще болѣе враждебно относится авторъ къ сектамъ, отдѣлившимся отъ „Живой Церкви", въ особенности къ „Церковному Обновленію" еп. Антонина,

[114]) См русск. католич. журн. въ Парижѣ: „Вѣра и Родина" № 32—33. въ статьѣ „Молчаніе Рима", стр. 235.

[115]) „Церк. Вѣдом." 1924, № 5—6, стр. 11.

*) „См. Воскресное Чтеніе" №№ 30, 32, 34, 42.

[116]) „Après la mort" P. 93. Нашу рецензію на книгу д'Ербиньи см. въ сербск. журналѣ „Лѣтопись Матице Српске", 1926, мартъ стр. 454 —459.

[117]) L'ame religieuse des Russes. Roma, 1924, p. 60.

котораго онъ, со словъ „протопресвитера Всея Россіи" Красотина называетъ „шалопаемъ, шутомъ и клоуномъ". Но „Живая Церковь", которую онъ, слѣдуя новому обычаю „живцовъ", называетъ „Синодальной", обрисована имъ даже въ болѣе розовыхъ краскахъ, чѣмъ ее рисуютъ сами „обновленцы", наприм., тотъже проф. Титлиновъ. А фактически глава „Живой Церкви" Введенскій, этотъ выкрестъ изъ евреевъ, большевицкій агентъ и моральный убійца Митрополита Веніамина и цѣлаго ряда другихъ православныхъ, подъ перомъ ученаго Іезуита превращается въ мужественнаго защитника христіанскихъ идеаловъ отъ большевиковъ, „трепещущаго вѣрою и любовію" (Стр 61). Не удивительно, что „живцы" пришли въ безграничный восторгъ отъ книги д'Ербиньи. 16 го апр. 1926 г. Введенскій докладывалъ Синоду, что д, Ербиньи „оказалъ Св. Синоду колоссальную услугу. Пріѣхавъ въ Москву...со спеціальной цѣлью завязать сношенія съ тихоновщиной, онъ склонился на сторону обновленчества", а синодальный журналъ „Вестник" (1926, № 8—9, ст. 11—15) съ торжествомъ перепечатываетъ выдержки изъ его книги.

Чѣмъ объясняется такой дальтонизмъ о. Іезуита, сказать трудно. Возможно, что книга должна была ему просто обезпечить вторичный пріѣздъ въ Москву, каковой, дѣйствительно, и имѣлъ мѣсто, при чемъ онъ пріѣхалъ, получивъ тайно епископскую хиротонію, и посвятилъ въ Москвѣ 4 епископа[118]). Но возможно то, что эта книга есть лишь звено въ новомъ планѣ завоеванія Россіи при посредствѣ „Живой Церкви". Мы уже видѣли, что „Живая Церковь" сама обнаруживала тяготѣніе къ Риму, съ которымъ ее сближаетъ приниженное положеніе мірянъ и тамъ и здѣсь и признаніе Католической Церковью дѣйствительности ея хиротоній. Съ другой стороны и католическая пропаганда видитъ, что лишенная опоры въ народѣ Іерархія „Живой Церкви" гораздо легче можетъ сдѣлаться католической, чѣмъ „сухіе и жесткіе" православные епископы. Сомнительно, однако, что большевики дозволятъ такую комбинацію. Они по опыту знаютъ, что имѣть дѣло съ такой организаціей, каковою является Католическая Церковь, располагающая поддержкой политическихъ партій во многихъ государствахъ, очень хлопотно, и врядъ ли согласятся, чтобы созданное ими для разрушенія Русской Церкви орудіе оказалось въ чужихъ рукахъ.

ГЛАВА II.

ИДЕОЛОГІЯ И УСТРОЙСТВО „ЖИВОЙ ЦЕРКВИ.

Отъ исторіи „Живой Церкви" переходимъ къ ея идеологіи и устройству.

Проф. Титлиновъ, ея видный дѣятель, въ брошюрѣ „Новая Церковь", хочетъ во что бы то ни стало найти знатныхъ предковъ для этого мертворожденнаго детища. Къ „предтечамъ" „Живой Церкви" онъ причисляетъ славянофиловъ, Достоевскаго, Льва Толстого, Владиміра Соловьева, русскихъ либераловъ-соборниковъ, основавшихъ въ Петроградѣ „Религіозно-Философское общество".[1])

Но павлиньи перья плохо идутъ къ вороньему хвосту. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между народной соборностью славянофиловъ и поповской олигархіей „Живой Церкви"? Достоевскій могъ бы быть только грознымъ обличителемъ для этого сборища карамазовскихъ Ракитиныхъ и, если не великихъ, то малыхъ инквизиторовъ. И развѣ не прямой противоположностью Толстому, возстававшему противъ примѣненія силы даже въ государствѣ, является ученіе, которое не только безоговорочно благословляетъ и въ прошломъ и въ настоящемъ и за будущее всѣ безпримѣрныя въ исторіи насилія большевиковъ, но сознательно строитъ на насиліи всю церковную жизнь, заявляя, что до появленія „Живой Церкви" христіанство „не удалось" именно потому, что въ немъ не хватало „повелительности", что оно не могло „заставить жить по христіански"[2]).

Что общаго между пламеннымъ защитникомъ независимости церкви отъ государства, тяготѣвшимъ поэтому къ католичеству Влад. Соловьевымъ и „живцами", которые свое пресмыкательство передъ враждебной всякой религіи властью доводятъ до того, что въ своихъ официціальныхъ изданіяхъ печатаютъ иногда имена Божіи съ малой буквы, а слово „власть", „правительство",—въ отношеніи совѣтской власти, — съ большой? Наконецъ, нѣтъ связи между „Живой Церковью и Религіозно-Философскимъ Обществомъ. Идейные вожди этого общества Митрополитъ Сергій, Д. С. Мережковскій, Н. Бердяевъ, С. Н. Булгаковъ, А. В. Карташевъ, З. Гиппіусъ—не въ „Живой Церкви", а среди ея противниковъ, тогда какъ вожди „Живой Церкви" или совсѣмъ не принадлежали къ этому обществу, или не имѣли въ немъ никакого значенія. Отголоски идей этого общества съ большимъ правомъ можно искать въ „Церковномъ Возрожденіи" еп. Антонина, но „Церковное Возрожденіе" стало въ еще болѣе рѣшительную оппозицію „Живой Церкви", чѣмъ Церковь Православная.

Корень „Живой Церкви", жизненный нервъ ея вообще нельзя искать въ чисто идейной области, а нужно искать его съ одной стороны въ области практическихъ классовыхъ интересовъ, а съ другой въ поворотѣ церковной политики большевиковъ. Вся же идеологія „Живой Церкви" это дѣйствительно только по марксистской терминологіи „идеологическая надстройка", мѣняющаяся сообразно практическимъ интересамъ момента. „Живая Церковь"—это прежде всего поповскій бунтъ или, говоря языкомъ каноновъ, пресвитеріанскій расколъ. Ее создала гордыня петроградскаго столичнаго духовенства. Петроградскіе „батюшки" издавна занимали исключительное, особо привиллегированое положеніе въ церкви. Петроградское духовенство составлялось изъ наиболѣе талантливыхъ питомцевъ духовныхъ академій. Широкое знакомство петроградскихъ батюшекъ вошло въ пословицу. И дѣйствительно оно начиналось отъ царскаго двора и вершины бюрократіи и оканчивалось у вождей рабочаго движенія, будущихъ повелителей Россіи.

Квартиры петроградскихъ священниковъ были предметомъ зависти виднѣйшихъ чиновниковъ. „Никогда, даже на исповѣди, не спрашивайте петроградскаго батюшку, сколько онъ получаетъ, иронизировалъ надъ своими собратіями одинъ протоіерей[4]), ибо это будетъ извѣстно только на Страшномъ Судѣ".

„Не бойся двора, не бойся важныхъ господъ", напутствовалъ на Петроградскую каѳедру мудрый Филаретъ, Митрополитъ Московскій, Митрополита Исидора, своего бывшаго викарія: „имъ мало дѣла до церкви. Но будь остороженъ съ петербургскимъ духовенствомъ—это гвардія". И вотъ эта духовная гвар-

[118]) „Возрожденіе" 1927, III, I, № 637, срав. IV, II, № 678, статья кн А. М. Волконскаго.

[1]) „Новая Церковь" стр. 41—50. Титлинова повторяетъ г. Ч. Марьяновичъ въ своей книгѣ: „Жива Црква у Русиіи, Београд, 1926, стр. 26—28.

[2]) Титлиновъ. „Новая Церковь" стр. 81—82.

[3]) Это признаетъ и проф. Титлиновъ, выясняя, что еп. Антонинъ со своимъ „Церк. Возр." возглавилъ болѣе идейное теченіе, тогда какъ „Живая Церк." пошла по линіи классовой и практической. („Нов. Церк." стр. 15, 20—25).

[4]) Прот. Удѣльной Церкви К. И. Вѣтвѣницкій.

дія взбунтовалась. Было въ блестящемъ положеніи Петроградскаго духовенства одно темное пятно. Какъ и все бѣлое духовенство, оно находилось въ зависимости отъ епископата, доступъ въ который былъ открытъ только для монаховъ, а монашескій клобукъ надѣвали тѣ же школьные товарищи петроградскихъ батюшекъ и очень часто менѣе одаренные, не надѣявшіеся выдвинуться своими способностями, и вотъ стремленіе взять власть изъ рукъ чернаго духовенства въ свои руки и было главной причиной, толкнувшей группу наиболѣе честолюбивыхъ Петроградскихъ священниковъ на расколъ, а внѣшнія обстоятельства объясняютъ, почему эта пружина развернулась именно весной 1922 года, а не раньше и не позже. Ранѣе Петроградское духовенство думало достигнуть своихъ цѣлей легальнымъ путемъ, путемъ соборнаго переустройства Церкви. „Но эти разсчеты не оправдались", жалуется проф. Титлиновъ: „Созванный въ августѣ 1917 года Соборъ оказался консервативнымъ и дѣятели церковнаго обновленія въ немъ—въ реакціонномъ скруженіи"[5]).

Но дѣло не въ консерватизмѣ или либерализмѣ, эти понятія вообще мало пригодны для оцѣнки церковныхъ явленій. Дѣло въ томъ, что на Московскомъ Соборѣ 1917—1918 г.г. реформаторски-властолюбивыя вожделѣнія бѣлаго духовенства не нашли для себя почвы. Міряне здѣсь дѣйствовали согласно съ епископами и, благодаря ихъ поддержкѣ, Собору удалось возстановить Патріаршество и такимъ образомъ возглавить епископатъ. Въ то же время міряне получили гораздо болѣе значительную долю участія, какъ въ епархіальномъ, такъ и особенно приходскомъ управленіи. Такимъ образомъ, если смотрѣть на этотъ Соборъ не съ точки зрѣнія интересовъ церковнаго цѣлаго, а съ точки зрѣнія интересовъ тѣхъ или другихъ элементовъ этого цѣлаго, можно сказать, что на Соборѣ бѣлое духовенство болѣе проиграло, чѣмъ выиграло. Казалось, что властолюбивые мечты погребены надолго и „Всероссійскій Союзъ демократическаго православнаго духовенства и мірянъ", образовавшійся въ началѣ революціи, почти не подавалъ признаковъ жизни, какъ вдругъ въ 1922 году обстоятельства измѣнились настолько, что мечты эти получили полную возможность сдѣлаться дѣйствительностью. Произошелъ крутой поворотъ церковной политики совѣтской власти. Негативная политика смѣнилась политикой позитивной. Совѣтская власть, думавшая сначала покончить съ Церковью пропагандой безбожія, декретами, конфискаціями, тюрьмами, ссылками и разстрѣлами, въ началѣ 1922 года увидѣла, что всего этого мало, что прямая, открытая борьба съ Церковью только укрѣпляетъ ее, и рѣшили дѣйствовать, какъ говоритъ одинъ генералъ въ „Капитанской дочкѣ", не столько оборонительно и наступательно, сколько подкупательно. А именно, они купили цѣной своей поддержки честолюбивыхъ Петроградскихъ батюшекъ и сдѣлали изъ нихъ послушное орудіе разрушенія Церкви. Эта политика извѣстна у большевиковъ подъ именемъ „церковнаго" НЭПА[6]).

Поворотъ въ церковной политикѣ былъ предрѣшенъ въ апрѣлѣ 1922 года въ засѣданіи Совнаркома по предложенію Троцкаго. Патріаршество рѣшено было упразднить, а власть въ Церкви передать „вѣрующимъ"[7]), или точнѣе тѣмъ элементамъ среди духовенства и мірянъ, которые согласятся дѣйствовать по указкѣ власти. Петроградскіе властолюбцы пошли на это и увѣренно приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, зная, что за ними стоитъ ни передъ чѣмъ не останавливающаяся совѣтская власть. Что именно обѣщаніе поддержки со стороны большевиковъ толкнуло будущихъ „живцовъ" на рѣшительныя дѣйствія, объ этомъ откровенно говорилъ на первомъ съѣздѣ „Живой Церкви" въ августѣ 1922 г. одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей „Живой Церкви" Красницкій. „*Государственная власть*, заявилъ онъ,—*предложила весною этого года измѣнить церковную политику*... Въ насъ это встрѣтило полное сочувствіе"[8]).

Проговаривается объ этомъ и профессоръ Титлиновъ въ своей брошюрѣ: „Оставалось одно,—пишетъ онъ,—взять въ руки церковную власть хотя бы путемъ революціоннымъ... Внѣшнія условія дѣлали какъ разъ такой исходъ возможнымъ, такъ какъ сама революціонная власть *готова была поддержать* хотя и чуждое ей церковное начинаніе. И церковные новаторы перешли свой „рубиконъ"[9]).

Что таковъ именно былъ генезисъ „Живой Церкви", что она есть плодъ союза безбожной совѣтской власти съ властолюбіемъ недостойныхъ представителей бѣлаго духовенства,—это помимо признанія самихъ „живцовъ", доказывается признаніемъ и другой стороны—большевицкой власти, а также всей исторіей и характеромъ организаціи „Живой Церкви".

„Расколъ въ Церкви выгоденъ рабоче-крестьянской власти, — пишетъ по поводу „Живой Церкви" видный большевистскій агитаторъ,—ибо это ведетъ къ озлобленію ея враговъ и побѣдѣ революціи. Если бы Церковь обратилась къ совѣтской власти съ просьбой помочь ей разлагаться, то, думаю, мы съ охотой помогли-бы ей въ этомъ. А вотъ если бы они попросили помочь имъ объединиться, то едва-ли у насъ нашли бы откликъ"[10]).

„Мы используемъ разногласицу среди духовенства,—пишетъ другой борецъ на анти-религіозномъ фронтѣ,—только для того, чтобы увести народъ отъ всякой религіи"[11].

Точно также и „Извѣстія ВЦИК" пишутъ: „Внутренняя борьба въ рядахъ духовенства смогла внести первыя значительныя трещины въ хитро задуманную систему похода религіозныхъ организацій противъ совѣтской власти. Образованіе „Живой Церкви" и другихъ группъ прогресивнаго духовенства явилось тжелымъ ударомъ по „тихоновщинѣ"[12].

Наконецъ, глава совѣтской церковной политики Тучковъ и ея идеологъ Бухаринъ не разъ заявляли, что „Живая Церковь" создана властью для того, чтобы разрушить Церковь руками самихъ же поповъ.

Имѣли и другую цѣль большевики, создавая „Живую Церковь". Цѣль эта—повышеніе своего через-чуръ уже низкаго престижа въ рядахъ цивилизованнаго міра. И объ этомъ откровенно пишетъ большевицкій журналъ „Безбожникъ" (1923, V, 13, № 21). Съ удовольствіемъ приводя вѣрноподанническія изъ-

---

[5]) Новая Церковь, стр. 48. Глубочайшею ненавистью къ собору 1917—1918 проникнуты и посвященныя ему страницы (27—71) въ брошюрѣ А. Введенскаго: „Церковь Патріарха Тихона". А. Введенскій, несомнѣнно, является главнымъ виновникомъ живоцерковнаго раскола. См. письмо прот. І. Янсона въ „Вѣстникѣ русск. студенч. христ. движенія" 1 авг. 1926 стр 7—8.

[6]) Д'Ербиньи приводитъ слова генер. консула С. С. С. Р. въ Парижѣ Аусэма, сказанныя ему 29/IX 1925 г: „такъ же, какъ мы ведемъ теперь новую экономич политику — НЭП, ведемъ мы новую политику и религіозную Мы убѣдились, что милліоны людей, большинство русскаго народа крѣпко привязано къ религіи и мы рѣшили прекратить прямую борьбу съ этимъ религіознымъ теченіемъ" („Церков. Жизнь въ Москвѣ". Парижъ, 1926, стр. 13).

[7]) См. телегр. Польск. тел. агент. отъ 12/V — 1922 („Черн. Кн." стр. 157).

[8]) „Красная Газета", 1922, VIII, 12, № 181.

[9]) „Новая Церковь", стр. 54.

[10]) Як. Окуневъ, „Смена вех в церкви" Харьковъ 1923, стр. 20—21; ср. „Безбожник" № 118.

[11]). И. Степановъ, „Задачи и методы анти-религіозной пропаганды" стр. 28. Ср „Безбожник" отъ 6, VII, 1923.

[12]) 1922, XII, 5, № 275, срав „Правда" отъ 7, V, 1922, „Изъятіе цѣнностей—клинъ, который долженъ былъ расколоть рыхлое тѣло бывшей государственной церкви".

явленія Собора 1923 г., „Безбожникъ“ пишетъ: „Разумѣется, эти рѣшенія имѣютъ громадное значеніе; отнынѣ никто не смѣетъ сказать, что совѣтская власть является гонительницей Церкви, гонительницей религіи“. Тотъ-же журналъ (1923, V, 20, № 22) приводитъ письмо Высшаго Совѣта „Живой Церкви“ къ Архіепископу Кэнтерберійскому отъ 12/V, 1923, изъ котораго видно, что эти надежды оказались не тщетны. Въ письмѣ expressis verbis заявляется, что въ совѣтской республикѣ „религіозная жизнь въ настоящее время пользуется такой свободой, которой она никогда не имѣла ни при одномъ изъ прежнихъ правительствъ отечества нашего“.

И если при такихъ откровенныхъ до цинизма заявленіяхъ совѣтскихъ дѣятелей о цѣляхъ созданія „Живой Церкви“ проф. Титлиновъ находитъ возможнымъ утверждать, что „будучи врагомъ всякой религіи... соціалистическая власть впала бы во внутреннія противорѣчія, если бы стала пользоваться религіей для своихъ цѣлей“[13]), то онъ здѣсь явно наивничаетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[13]) „Новая Церковь“, стр 34.

Обновляются иконы.

Повѣсть нашихъ дней.

Николай Брынскій, юноша 22 лѣтъ, нынѣшнимъ лѣтомъ блистательно окончилъ духовную семинарію.

Преподаватели и Преосвященный ректоръ всегда ставили его всѣмъ ученикамъ въ примѣръ, хвалили его за прекрасное поведеніе и знаніе уроковъ. И дѣйствительно: велъ себя Брынскій въ строго церковномъ духѣ, любилъ неукоснительно посѣщать службу Божію, читать Апостолъ, каноны, шестопсалміе, кафизмы, часы. Зналъ пѣніе и пѣлъ хорошо. Его звонкій голосъ легкой струйкой разносился подъ сводами храма. Молящіеся любили слушать, когда поетъ Брынскій.

Велъ онъ почти аскетическій образъ жизни. Бѣдный батюшка, отецъ Брынскаго, мало высылалъ ему на прожитье, и приходилось Брынскому довольствоваться малымъ: спалъ онъ на голыхъ доскахъ, въ сутки ѣлъ одинъ только разъ, выпивалъ одинъ-два стакана чаю; строго соблюдалъ посты: въ среду и въ пятницу не вкушалъ скоромнаго.

Прилежно изучалъ Библію и много читалъ. Читалъ и богословскаго содержанія книги и свѣтскую литературу, любилъ изъ наукъ философію, особенно увлекался Платономъ.

Брынскій былъ юноша болѣзненный, худосочный, слабъ тѣлосложеніемъ, но въ немъ жила удивительная сила духа. Разъ Брынскій постановитъ что либо сдѣлать, то, что бы это ему ни стоило, добивался своего.

Годы ученья шли, подошли выпускные экзамены... Брынскій рѣшилъ окончить первымъ воспитанникомъ семинарію и этого легко достигъ. Присутствующій на экзаменахъ представитель Министерства Просвѣщенія удивлялся знанію Брынскаго и его умнымъ, вдумчивымъ отвѣтамъ.

Экзамены окончились. Брынскій, собравъ свой небогатый скарбъ, хотѣлъ поѣхать домой, чтобы провести вакаціонное время дома, а осенью снова начать работать на Богословскомъ Факультетѣ.

Но, какъ разъ передъ отъѣздомъ, зашелъ къ Брынскому его товарищъ по Семинаріи, чтобы распрощаться съ нимъ и при разговорѣ сообщилъ ему, что получилъ отъ отца письмо, въ которомъ отецъ писалъ ему: недалеко отъ ихъ села, на Бѣлевскихъ хуторахъ Ровенскаго уѣзда, произошло чудесное обновленіе Святой Иконы у одной бѣдной вдовы—Стефаниды Надехи.

Брынскій заинтересовался этимъ сообщеніемъ. Давно уже слышитъ онъ объ обновленіи Иконъ, сколько разъ задумывался надъ тѣмъ, чтобы посѣтить одно изъ мѣстъ, гдѣ обновилась Икона, да не было свободнаго времени. Теперь ему дѣлать пока нечего, можно и сходить помолиться предъ чудесно обновившеюся благодатною Иконою.

Принявъ сообщеніе товарища за особый Промыслъ Божій, Брынскій рѣшилъ прямо итти пѣшкомъ на Бѣлевскіе хутора, разсуждая про себя:

„Схожу пѣшкомъ, не такъ далеко отсюда—верстъ 75—находятся Бѣлевскіе хутора. Да притомъ, и по пути моего мѣстожительства, немного, правда въ сторону, но это, конечно, ничего не значитъ. Вещей у меня всего на всего малая корзинка—оставлю ее у хозяйки. Осенью пріѣду сюда за документами и корзинку заберу съ собой. Теперь „сооружу“ мѣшокъ, уложу все, что мнѣ нужно, и „гайда въ путь-дорогу“.

На другой день рано утромъ, распрощавшись съ хозяйкою, Брынскій съ мѣшкомъ за плечами, съ длинной палкой въ рукахъ, отправился по шоссе на Дубно и Ровно въ Бѣлевскіе хутора.

Утро выпало прохладное, ночью прошелъ дождь. Дулъ свѣжій вѣтерокъ, солнце не сильно грѣло. Итти легко было и свободно. Брынскій шелъ, сравнительно, быстро: верстъ около пяти въ часъ.

Мысли одна за другой плыли, быстро смѣняясь, въ его молодой головѣ. Прошелъ онъ верстъ двадцать. Усталъ порядкомъ. До Дубно осталось верстъ 18. Здѣсь онъ думалъ переночевать, а на другой день снова двинуться въ путь „къ мѣсту своего назначенія“.

Сошелъ съ шоссе, подошелъ къ опушкѣ лѣса и прилегъ, чтобы отдохнуть. Дорога пролегала лѣсомъ. Темными рядами стояли сосны, коренастый дубъ, крѣпкій, высокій грабъ, и угрюмо смотрѣли на дорогу. Брынскій вынулъ булку, отломилъ кусокъ и началъ жевать Поѣлъ, выпилъ воды изъ фляги, немного вздремнулъ и затѣмъ всталъ, чтобы снова итти.

Когда онъ подошелъ къ шоссе, то поровнялся съ идущимъ на Дубно высокимъ, худымъ старикомъ, на видъ имѣющимъ лѣтъ шестьдесятъ, но еще бодрымъ и крѣпкимъ. Густая красивая борода, вся бѣлая какъ мыльная пѣна, развѣвалась на груди. Выразительное, красивое лицо загорѣло отъ солнца, а больше черные глаза свѣтились умомъ и выражали благородство души. Одѣтъ онъ былъ въ легкій лѣтній костюмъ. При немъ ничего не было, и старикъ, видимо, шелъ прогуляться, живя гдѣ-либо вблизи.

Заинтересовалъ ли его своимъ видомъ Брынскій или просто старику захотѣлось пройти вдвоемъ до Дубно, но такъ или иначе, старикъ, поздоровавшись, спросилъ Брынскаго:

— „Вы куда, юноша, идете“.

— „Сейчасъ на Дубно, а затѣмъ дальше“, от-

вѣтилъ Брынскій, немного смутившись неожиданнымъ вопросомъ.

—„Вотъ какъ и я, на Дубно. Люблю прогуляться пѣшкомъ, да и дѣло въ Дубно имѣется. Значитъ, попутчики, идемте вмѣстѣ. Давайте познакомимся: полковникъ въ отставкѣ, Станиславъ Глембоцкій".

Брынскій отлично владѣлъ польскимъ языкомъ. Дорогой разговорились. Брынскій разсказалъ, кто онъ и куда и зачѣмъ идетъ.

Глембоцкій, въ свою очередь, сообщилъ, что онъ служилъ въ Россіи на военной службѣ, во время возстановленія Польши поступилъ въ легіоны, имѣлъ большой и благоустройный „маентокъ" въ Подольской губерніи (теперь разграбленный большевикмми), вышелъ въ отставку и, получивъ „надѣлъ", живетъ „осадникомъ". Бывалъ въ разныхъ европейскихъ городахъ, исколесилъ всю Россію, словомъ видалъ виды, много читалъ и производилъ впечатлѣніе человѣка культурнаго.

— „Вы, я вижу, молодой человѣкъ, глубоко вѣрующій, богословски образованный, такъ какъ вотъ представляете себѣ возможность чуда обновленія Иконъ".

— „Я, отвѣтилъ Брынскій,—вы правду сказали, глубоко вѣрующій человѣкъ и вѣрю совершенно безъ всякаго сомнѣнія въ сверхъестественныя явленія. Правда, мой ограниченный человѣческій умъ, какъ и всякій, не можетъ иногда безусловно ярко, отчетливо и точно объяснить то или иное явленіе, но оно и не нужно.

Наука и не вправѣ требовать отъ вѣрующаго человѣка какой либо ясности и точности въ познаніяхъ религіозныхъ и ставить вопросы, чтобы съ математической ясностью было дано объясненіе тому или иному чуду.

Вы спросите почему?

Я смѣло вамъ отвѣчаю. Богъ, душа, духовный міръ, безсмертіе, чудеса,—все это такіе объекты, въ отношеніи которыхъ нельзя требовать наибольшей ясности въ понятіяхъ о нихъ, въ силу именно ихъ, такъ сказать, трансцедентальности, сверхъестественности. Вотъ почему Богъ, по библейскому ученію, „во свѣтѣ живетъ неприступномъ".

Но все таки логическая ясность даетъ намъ доказательства о правотѣ моихъ вѣрованій. Историческіе, психологическіе, космологическіе доводы и жизнь по вѣрѣ и любви даютъ удовлетворительное объясненіе моимъ убѣжденіямъ.

Вамъ, вѣроятно, извѣстенъ русскій писатель Ф. М. Достоевскій?"

— „Да",—отвѣтилъ коротко Глембоцкій.

— „Такъ вотъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій „Братья Карамазовы" онъ говоритъ устами старца Зосимы—на вопросъ одной дамы — какъ доказать бытіе Божіе:—доказать тутъ нельзя ничего; убѣдиться возможно".

„Какъ, чѣмъ".

„Опытомъ дѣятельной любви. По мѣрѣ того, какъ будете преуспѣвать въ любви, будете убѣждаться въ бытіи Божіемъ и въ безсмертіи своей души. Если же дойдете до самоотверженія, тогда ужъ, несомнѣнно, увѣруете, и никакое сомнѣніе даже и не возможетъ взойти въ вашу душу".

Ту же мысль выражаетъ и Паскаль въ своихъ знаменитыхъ „Мысляхъ о религіи". Онъ говоритъ: „Старайтесь убѣдить себя не добываніемъ новыхъ доказательствъ бытія Божія, а уменьшеніемъ страстей".

Кто испыталъ на себѣ это животворное дѣйствіе религіозной вѣры, тотъ можетъ судить объ этомъ.

— „Да, но вы, всетаки, прямо на мой вопросъ не отвѣтили",—не объяснили съ точки зрѣнія логики факта обновленія".

— „Я это объясню потомъ. Приведу вамъ сначала одно мѣсто изъ романа Золя „Лурдъ". Вы читали, вѣроятно, но все равно я приведу.

Одинъ молодой священникъ, присутствовавшій при трогательныхъ церковныхъ церемоніяхъ въ Лурдѣ, куда собралась громадная масса богомольцевъ всякаго рода, больныхъ и увѣчныхъ, несмотря на совершившееся на его глазахъ чудо исцѣлннія отъ неизлѣчимой болѣзни,—исцѣленія, свидѣтельствовавшаго о глубокой вѣрѣ исцѣленной и о дѣйствительномъ существованіи благодатной пнмощи, объясняетъ это исцѣленіе чисто естественнымъ образомъ, именно вліяніемъ религіозной экзальтаціи на больной организмъ настолько сильнымъ, что онъ весь обновился, и въ подтвержденіе этого приводитъ предсказаніе доктора, знавшаго и лѣчившаго эту больную, что именно только такимъ путемъ можетъ произойти излѣченіе.

Такъ смотрятъ на всѣ чудеса современные писатели и скептики, такъ смотрите, вѣроятно, и вы. Забываютъ всѣ скептики только одно: почему благодать исцѣленія касается не многихъ больныхъ, а нѣкоторыхъ, хотя молились, горячо вѣря въ милосердіе Божіе, и тѣ и другіе. Объясняютъ разностью степени экзальтаціи, но вотъ Богъ показываетъ чудо надъ Святыми Иконами, предметами не могущими поддаваться въ разныхъ степеняхъ экзальтаціи.

Логическое объясненіе чуду обновленія я даю такое: въ нашемъ краѣ кишмя кишатъ секты. Съ какой то непонятной злобой они нападаютъ на Святыя Иконы. Ругаютъ, поносятъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ, рубятъ, колютъ ихъ на дрова и, словомъ, издѣвательствамъ нѣтъ конца по отношенію къ Святымъ Изображеніямъ. Вотъ, Всемогущій Господь Богъ, показывая, что люди заблуждаются, творитъ знаменіе, посылаетъ чудо обновленія Святыхъ Иконъ. Пусть каждый убѣдится въ силѣ чуда Божьяго.

— „Но почему вы не допускаете, что здѣсь можетъ быть и шантажъ, обморачиваніе простыхъ людей", —замѣтилъ Глембоцкій.

— „Нѣтъ, этого я не допускаю".

„Не допускаю уже потому, что народъ, если онъ вѣритъ, такъ вѣритъ сильно, безотчетно. Для него самая мысль о подлогѣ чуда будетъ казаться чудовищно кощунственной. А обновляются Иконы именно у людей глубоко честныхъ, порядочныхъ, извѣстныхъ всѣмъ селянамъ своею правдивостью и искренностью. Потомъ подлогъ быстро распространился и обнаружился бы. Однако, этого не слышно".

„Вы католикъ по религіозному убѣжденію?".

— „Да",—отвѣтилъ Глембоцкій.

— „Въ вашей церкви происходитъ также обновленіе. И вотъ этому чуду вѣрю также. Вѣрю потому, что Святость Иконы не зависитъ отъ религіозныхъ убѣжденій.

Нѣкоторые хотятъ видѣть въ томъ чудѣ простой актъ атмосферическаго воздѣйствія. Но я долженъ сказать на это слѣдующее: умъ не вѣрующаго человѣка слишкомъ ужъ привыкъ къ объясненію естественными причинами всего сверхъестественнаго, ему трудно встать на другую точку зрѣнія. Но для меня непонятно одно: невѣрующій умъ почему то находитъ логичнѣе вѣрить въ сверхъестественную силу, двигающую міромъ, признавая эту силу механической, слѣпой силой, нежели вѣрить въ живое, свободное разумное міровое начало.

Вмѣсто того, чтобы надѣлять духовными основами и силами матеріальныя основы природы, которыхъ сама по себѣ она не имѣетъ и имѣть не можетъ, не разумнѣе ли вѣрить въ Бога, какъ въ пер-

вопричину всѣхъ причинъ? Вѣдь только при такой вѣрѣ можно объяснить многое въ нашей жизни.

А во что обращается вѣра, если разумъ предполагаетъ одну матерію, механически дѣйствующую безъ цѣли, смысла и причины; дѣйствующую какъ автоматъ, какъ машина, гдѣ все идетъ по разъ установленнымъ законамъ безъ свободнаго разнообразнаго проявленія личности. При такой вѣрѣ теряется смыслъ и цѣль жизни. Вѣра, слѣдовательно, у невѣрующихъ въ Бога есть, но они не хотятъ признавать Личный разумъ, Бога, ибо Онъ Обличитель пороковъ ихъ и страстей. И правъ Паскаль, высказавшій глубокую мысль въ своихъ „Мысляхъ о Религіи": „Заставьте невѣрующихъ дать отчетъ въ своихъ чувствахъ и причинахъ религіознаго сомнѣнія, и они приведутъ вамъ столь слабые и ничтожные доводы, что убѣдятъ васъ въ противномъ".

Да и вообще всѣмъ этимъ скептикамъ, безбожникамъ я не вѣрю. Есть у Бэкона такое выраженіе, которое я всегда вспоминаю, когда мнѣ говорятъ объ атеистахъ. Онъ выражается такъ: „Атеизмъ существуетъ болѣе на языкѣ, чѣмъ въ сердцѣ и мысли".

Много говорятъ объ атмосферическихъ воздѣйствіяхъ, но почему же обновляется въ хатѣ селянина одна Икона, а не всѣ вмѣстѣ, а вѣдь висятъ ихъ всегда въ хатѣ не одна, а нѣсколько, или обновятся много двѣ-три Иконы.

Почему же не обновляются всѣ остальныя? При чемъ обновляются не сразу, а на глазахъ людей постепенно. Разъ сила матеріальная воздѣйствуетъ на дерево, металлъ или на бумагу, то эта сила должна бы захватить всѣ предметы, находящіеся въ сферѣ ея воздѣйствія, а, между тѣмъ, мы знаемъ изъ описаній, что обновленіе происходитъ только надъ Иконами, а не иными предметами, причемъ, какъ я сказалъ, только одной или много двухъ-трехъ".

— „Вы большой философъ", замѣтилъ Глембоцкій, ничего не возразивъ на отвѣтъ Брынскаго.

Тотъ и другой замолчали. Такъ молча шли дорогой нѣсколько минутъ.

Потомъ разговоръ принялъ другой характеръ.

— „Почему, спросилъ Глембоцкій, вы, православный человѣкъ, не проповѣдуете, что единственное наше спасеніе въ единеніи церковномъ?

Согласитесь сами, какая это была бы сила, если бы произошло полное единеніе Церквей. Католическая и Православная Церковь были бы объединены вмѣстѣ. Весь греческій и славянскій міръ иначе чувствовалъ бы себя, если бы былъ объединенъ подъ одною главою римско-католической Церкви.

Конечно, мы, поляки, народъ толерантный, у насъ всегда была свобода религіозныхъ убѣжденій; нѣтъ въ мірѣ націи, гдѣ бы религіозныя убѣжденія были такъ охраняемы, какъ у насъ. Вѣруй каждый— какъ кто хочетъ; лишь бы былъ лойяленъ къ Польской Республикѣ. Но, тѣмъ не менѣе, я, какъ католикъ, долженъ сказать, что въ единеніи—Христова сила.

Брынскій выслушалъ все это внимательно. Долго ничего не отвѣчалъ, видимо, внимательно обдумывалъ каждое слово, которое онъ хотѣлъ сказать въ отвѣтъ Глембоцкому.

Недалеко осталось до г. Дубно. Видны уже были костелъ, церкви, дома.

— „На это скажу вамъ вотъ что: церковь одно, гражданско-правовая жизнь—другое. Я могу имѣть религіозныя убѣжденія, какія мнѣ угодно, но вмѣстѣ съ тѣмъ, могу любить свою страну, можетъ быть болѣе, чѣмъ тотъ, кто религіозно настроенъ такъ, какъ правительственная власть страны. Значитъ, могу составлять силу, нужную для страны.

Вы говорите, что единеніе Церквей составитъ



Благодатная Икона Божіей Матери „Взысканіе погибшихъ", обновившаяся въ с. Бѣлевѣ на Волыни.

силу. Это вѣрно. Но не надо забывать и то, что послѣдняя міровая война доказала, а именно: что католики дрались между собой такъ, какъ будто ничего общаго не имѣли между собой, итальянецъ-католикъ билъ австрійца-католика, нѣмецъ баварецъ-католикъ, совмѣстно съ прусакомъ-протестантомъ, православнымъ-болгариномъ, туркомъ-магометаниномъ, дрался съ католикомъ-французомъ и бельгійцемъ. Національные, экономическіе интересы играютъ у государствъ теперь въ вѣкъ матеріализма большую роль, чѣмъ религіозное единеніе.

Но, конечно, я этимъ не рѣшаю вопроса, не отвѣчаю вамъ. Отвѣтъ свой я сейчасъ скажу:

Православная Церковь молится всегда о единеніи всѣхъ Христіанскихъ Церквей. Никто изъ православныхъ не хочетъ, чтобы навсегда осталось положеніе вещей въ такомъ состояніи, какъ есть. Но вѣдь долженъ же Римскій Престолъ выслушать и наши мнѣнія. Почему Католическая Церковь трактуетъ единеніе, какъ безотчетное подчиненіе насъ, православныхъ, Римской Куріи? Почему мы, православные, считаемся во всемъ виноваты, а Римъ — во всемъ правъ?

А вотъ, я, напримѣръ, не могу понять одного: Христосъ основалъ Свою Церковь на землѣ. Въ ней нѣтъ ни эллина, ни Іудея. Всѣ братья во Христѣ, всѣ равны. Однако, что мы видимъ въ Римской Церкви? Намѣстникомъ Христа, т. е. Папой, бываетъ преимущественно или итальянецъ, или испанецъ.

Не было еще случая за все время, какъ Польша стала страной католической, чтобы полякъ былъ возведенъ въ Папы. Почему такъ? Гдѣ въ Словѣ Божіемъ сказано, что Папа можетъ быть только изъ опредѣленной націи? Нѣтъ этого нигдѣ. Для меня также непонятно и то, что Папа рѣшаетъ вопросы религіозные единолично, санкціонируетъ одинъ догматы. Христосъ нигдѣ никому этого не поручилъ. Апостолы обсуждали религіозные вопросы совмѣстно. Іерусалимскій,

I-й Христіанскій, Апостольскій Соборъ намъ служитъ примѣромъ.

Не отъ насъ православныхъ зависитъ единеніе Церквей. Если бы Римскій Престолъ пожелалъ, то давно было бы единеніе Церквей. Въ его власти это сдѣлать. Мы всегда протягиваемъ руки къ единенію, но намъ говорятъ: безъ разсужденія подчинись. Такъ ничего не выйдетъ, нужно договориться.

Что касается государства, то мнѣ всегда кажется страннымъ одно, почему, напримѣръ, нѣкоторыя государства, въ частности Польша, стремятся къ тому, чтобы входящіе въ составъ его націи были бы по убѣжденіямъ католики?

Вы говорите, что Польша страна толерантная. Не совсѣмъ такъ. На практикѣ мы видимъ, что католичество находится въ привиллегированномъ положеніи. Этого отрицать нельзя. Вѣдь, если ужъ говорить объ интересахъ государства, то интересы государства требуютъ организовать національный костелъ, независимый отъ какого либо вліянія извнѣ.

Да и нельзя трактовать именно такъ, что православный—это лицо, находящееся подъ сомнѣніемъ въ смыслѣ лояльности, а католикъ обязательно вѣренъ и преданъ своему отечеству. Мы видимъ, что многіе католики коммунисты и работактъ во вредъ своей странѣ. Люди,—всегда люди". .

Незамѣтно подошли къ городу Дубно.

— „Очень радъ, что съ вами такъ хорошо провелъ время въ пути",—сказалъ Глембоцкій, ничего не возразивъ и, видимо, желая прекратить разговоръ.

— „Я и самъ бы ничего не имѣлъ противъ того, чтобы сходить на Бѣлевскіе хутора, но у меня масса дѣлъ по полевымъ работамъ. Будете въ нашихъ краяхъ, заходите ко мнѣ, я живу недалеко отъ „Смыги", спросите хуторъ Глембоцкаго, вамъ всякій покажетъ, а теперь пока прощайте, юный философъ".

Глембоцкій пожалъ руку Брынскому и пошелъ по направленію костела.

Брынскій зашелъ на постоялый дворъ, остановился, снялъ мѣшокъ, порядкомъ натершій ему плечи, положилъ на скамейку. Закусилъ, чѣмъ Богъ послалъ, напился чаю, отдалъ содержателю видъ на жительство и, улегшись на кровать, крѣпко заснулъ.

Проснулся, когда солнце уже было высоко. Всталъ, выпилъ холодной воды, закусилъ, расплатился съ содержателемъ постоялаго двора и снова зашагалъ по шоссе.

Встрѣчались ему по дорогѣ также богомольцы. Шелъ крестный ходъ. Велъ его изнеможденный священникъ. Онъ махалъ руками, регентируя хоромъ. Много шло народа. Большинство было женщинъ. Молодыя, старыя. Онѣ, молитвенно устремивъ взоръ на хоругви, тихо брели за иконами. Брынскій вмѣшался въ толпу.

Здѣсь услышалъ разговоръ, чрезвычайно его заинтересовавшій:

„Умеръ Плясунъ-то, штундистъ умеръ".

„Богъ воочію покаралъ, не издѣвайся надъ иконами".

— „Въ чемъ дѣло?" — спросилъ Брынскій, не имѣя никакого представленія о плясунѣ.

— „Въ томъ, что у Плясуна, штундиста, обновилась икона".

— „Откуда она взялась?"

— „Да его жена осталась православной, не дала уничтожить иконы. Одна обновилась. Плясунъ-то такъ остервенѣлъ, что схватилъ Икону и хотѣлъ топоромъ разрубить ее, да топоръ то выпалъ, а у него задрожали руки и ноги, онъ самъ и повалился на полъ.

Свезли въ больницу, тамъ и померъ".

„Промыслъ Божій, Промыслъ Божій",—подумалъ. Брынскій.

Вечерѣло. Солнце стало заходить за небосклонъ Алыя тучи задумчиво плыли въ синевѣ небесъ. Подулъ легкій вѣтерокъ Крестный ходъ сталъ приближаться къ Бѣлеву. Бѣлевскіе хутора, широко разбросанные, были видны издалека.

Входя въ хутора, богомольцы всѣ запѣли: „Подъ Твою милость", Брынскій запѣлъ также. Его пріятный теноръ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ богомольцевъ.

„Гарно співае, ай дуже гарно, такъ за сердце й бере", проговорилъ одинъ изъ селянъ, участникъ крестнаго хода.

Священникъ, ведшій крестный ходъ, обратилъ также вниманіе на Брынскаго, подманилъ его пальцемъ, попросилъ стать въ ряды пѣвчихъ. Брынскій сталъ и богомольцы съ пѣніемъ вошли въ хутора.

Въ серединѣ Бѣлевскихъ хуторовъ стояла палатка, обтянутая брезентомъ. Около нея толпилось масса народу. Шло всенощное бдѣніе. Служилъ Іеромонахъ, присланный изъ Варшавы.

Служилъ Іеромонахъ истово, находясь въ какомъ то религіозномъ экстазѣ. Его наивно-добродушное лицо, обрамленное красивой русой бородкой, выражало улыбку, и тогда, когда онъ хотѣлъ быть серьезнымъ. Длинные, темно-русые, шелковистые волосы кудрями ниспадали съ головы на плечи и очень шли къ нему, придавая всему лицу иконописный видъ.

Брынскій протиснулся сквозь толпу и увидѣлъ обновленную Икону. Она стояла на возвышенности. Передъ ней горѣло масса свѣчей. Брынскій внимательно разсматривалъ Икону. Это былъ образъ Пречистой Божіей Матери, именуемый „Взысканіе Погибшихъ".

Риза на иконѣ показалась Брынскому какой то особенной: она сіяла какъ бы невещественнымъ свѣтомъ.

Брынскій долго всматривался въ ликъ Богоматери и Предвѣчнаго Младенца. Брынскому показались лики такими грустно прекрасными, кроткими, умилительными, что онъ долго не могъ оторвать своего взора отъ нихъ.

„А чудесъ то, чудесъ сколько Матушка-Царица разлила здѣсь, на хуторахъ, и не сосчитать" — слышитъ шепотъ богомольцевъ Брынскій.

Кончилась всенощная. Внятно монашка прочитала первый часъ. Пропѣли „Взбранной Воеводѣ". Вынесли икону на середину палатки.

Около нея всталъ Іеромонахъ, не тотъ, который служилъ, а другой—худой, жгучій брюнетъ съ аскетическимъ выраженіемъ лица. Онъ держалъ въ рукахъ кропило и окроплялъ всякаго, поцѣловавшаго Икону, св. водой.

Брынскій всталъ на сторонѣ и наблюдалъ за богомольцами: старые, молодые, молча съ серьезно-задумчивыми лицами, религіозно настроенными, подходили они къ иконѣ.

„У всѣхъ у нихъ одна душа, одно сердце",—подумалъ Брынскій — „и зачѣмъ ломать, вырывать, искажать ихъ вѣрованія: глубокая вѣра, любовь къ своей вѣрѣ—есть залогъ того, что народъ не изчезнетъ, не пропадетъ, а будетъ жить".

Брынскій преклонилъ колѣни, горячо помолился передъ Иконой, поднялся, всталъ въ ряды богомольцевъ и подошелъ къ Иконѣ. Онъ испытывалъ какойто особый подъемъ. Кровь прилила къ его головѣ, и ему показалось, что съ нимъ становится дурно. Въ трепетномъ волненіи прикоснулся Брынскій къ Иконѣ, и радостно забилось его сердце. Слезы подступили къ горлу, когда онъ отошелъ отъ Иконы.

Выходя изъ палатки, Брынскій вздохнулъ, въ

грудь влилась струя свѣжаго воздуха, и проговорилъ почти вслухъ:

„Какъ счастливъ вѣрующій человѣкъ, какъ животворно дѣйствуетъ на душу, на умъ, на весь человѣческій организмъ вѣра. Не даромъ сказано въ Писаніи: „Дерзай, чадо, вѣра твоя спасла тебя“.

Было уже совсѣмъ темно.

Блѣдный дискъ луны задумчиво плылъ по синевѣ небеснаго свода. То тамъ, то здѣсь по необъятнома небу тихо-тихо ползли облака, принимая иногда фантастическій видъ.

Брынскій вспомнилъ о ночлегѣ.

„Пойду до первой хаты, попрошусь переночевать гдѣ-нибудь въ клунѣ, пустятъ, думаю; не пустятъ — заночую въ полѣ съ богомольцами“.

Батюшка, съ которымъ онъ шелъ въ крестномъ ходѣ, куда-то исчезъ, а за всенощной стоялъ со своими богомольцами около палатки.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Брынскій остановился около одной просторной, заново выкрашенной, покрытой черепицей хаты, похожей на городской приличный домикъ. Постучалъ въ окно. Откликнулись: „Кто тамъ“.—„Я къ вамъ съ просьбой: пустите переночевать“.

Отворилась дверь, вышла полная, некрасивая женщина.

Осмотрѣвъ Брынскаго, тихо промолвила: „Войдите“.

Брынскій вошелъ въ хату. Горѣла керосиновая лампа, слабо мерцая. Въ переднемъ углу развѣшено было много Иконъ, обвитыхъ вышитыми полотенцами: большой столъ, покрытый сотканной изъ грубаго полотна скатертью, занималъ весь передній уголъ; у противоположной стѣны расположилась большая деревянная кровать, плотно прислоненная къ голландской печи „грубкѣ“. Окна, двери, потолокъ, стѣны были выкрашены масляной краской. За „грубкой“ была еще комната и кухня.

„Зажиточно, вѣроятно, живутъ“—подумалъ Брынскій.

— „Вы хотите переночевать“, спросила женщина, оглядывая съ ногъ до головы Брынскаго.

— „Да, пришелъ помолиться предъ Святымъ обновленнымъ чудотворнымъ Образомъ, пришелъ одинъ, никого не знаю, да вотъ и прошу дать мнѣ ночлегъ. Дайте мнѣ его гдѣ-нибудь—въ клунѣ, въ сараѣ, лишь бы переночевать“.

— „А откуда вы будете?“ — „Да я—сынъ священника, который имѣетъ приходъ въ Корцѣ“.

Изнуренный видъ Брынскаго, слова, что онъ сынъ батюшки, такъ подѣйствовали на женщину, что она предложила ему переночевать здѣсь, въ этой комнатѣ.

— „Вы устали съ дороги. Садитесь, я принесу вамъ молока, хлѣба, поѣшьте и ложитесь спать—вотъ на этой кровати“.

Проговоривъ все это, женщина скрылась. Брынскій сѣлъ, измучился онъ порядкомъ, прошагалъ около 80 верстъ. Женщина вскорѣ появилась съ крынкой молока и большимъ караваемъ хлѣба. Поставила на столъ, налила въ кружку молока, нарѣзала хлѣбъ и, промолвивъ: „кушайте“, сѣла на лавку.

— „Хорошо вы тутъ живете, видно“, сказалъ Брынскій, жадно начавъ уничтожать молоко и хлѣбъ.

— „Да, Богъ милостивъ, живемъ „добре“, когда жили въ селѣ, такъ жилось „кепсько“, а теперь нечего гнѣвить Бога, живемъ хорошо. Земля въ одномъ кускѣ, все подъ руками, ни съ кѣмъ не ссоримся и все идетъ по хорошему“.

Брынскій вспомнилъ про реформу Столыпина о хуторскомъ хозяйствѣ: „Вотъ теперь только благодѣтельность реформы русскаго министра сказывается. А вѣдь я еще совсѣмъ ребенокъ былъ, когда здѣсь была Россія, и смутно помню, какъ ругали его многіе за эту реформу. Да, хуторное хозяйство — великая, культурная сила“,—подумалъ про себя Брынскій.

— „А скажите, что могу я завтра увидѣть и поговорить съ Стефанидой Надехой, такъ ее, кажется, зовутъ, у которой Икона обновилась“, спросилъ онъ женщину.

— „Почему нѣтъ? Можно, утромъ я могу привести ее“.

— „Да, послѣ обѣдни. Вы разбудите меня. Обѣдня начнется рано, часовъ въ 6, сказалъ батюшка, послѣ обѣдни я зайду къ вамъ, поговоримъ съ полъ часа, а потомъ распрощаемся, и я уже пойду до Ровно пѣшкомъ, а тамъ поѣду домой на „самоходѣ“.

— „Добре“—отвѣтила хозяйка, а теперь покушали, ложитесь спать“.

Брынскій всталъ, поблагодарилъ хозяйку. Она убрала крынку, остатки хлѣба, кивнула головой, и, пожелавъ покойной ночи, вышла изъ комнаты.

Брынскій раздѣлся, помолился Богу, что у него было привычкой съ дѣтства, легъ въ кровать, растянувшись на тюфякѣ, набитымъ душистымъ сѣномъ и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Рано утромъ проснулся самъ. Солнце еще только выходило изъ за небосклона, показывая свой огромный багрово-красный дискъ старушкѣ землѣ. Брынскій вскочилъ съ постели, быстро одѣлся.

Одѣваясь, подумалъ: „Добрый, хорошій нашъ народъ. Вотъ женщина меня видитъ первый разъ, пріютила, накормила и, поди, денегъ не возьметъ за ночлегъ! еще, если предложишь, обидится. Да, хорошій добрый народъ, нужно умѣть только съ нимъ жить“...

— „Вы встали, что такъ рано, а я не хотѣла будить, пускай панычъ, думаю, поспитъ еще, ну встали, такъ принесу вамъ воды умыться“, — услышалъ Брынскій голосъ женщины изъ другой комнаты.

Вскорѣ появился тазъ съ холодной водой, кусокъ мыла и вышитое полотенце. Умывшись, Брынскій освѣжился и почувствовалъ себя хорошо, хотя тѣло немного ныло отъ долгой ходьбы.

— „Я пойду, скоро начнется, вѣроятно, обѣдня. Здѣсь рано ее начинаютъ: много причастниковъ да много молебновъ служить будутъ, а вы ужъ пожалуйста не забудьте познакомить меня съ Надехой“.

— „Добре, добре, я приведу ее сюда“.

Брынскій вышелъ. Солнце уже было высоко. Около палатки толпилось масса богомольцевъ. На возвышенности стояла молодая женщина съ симпатичнымъ нервнымъ лицомъ. Она громко выкрикивала фразы. Толпа внимательно ее слушала.

Брынскій подошелъ поближе, чтобы послушать, что говоритъ эта женщина. Она была интеллигентно одѣта, видно было, что получила образованіе.

— „Православные, услышалъ Брынскій, Богъ послалъ великую вамъ милость. Неисповѣдимые пути Господни ведутъ насъ къ спасенію. Сколько ни стараются большевики разрушить вѣру въ народѣ, какъ ни кричатъ они о томъ, что Бога нѣтъ, но нѣтъ, Богъ живой, творческій есть на небѣ, есть и на землѣ. Вотъ передъ всѣми нами проявляетъ Богъ Себя.

Кто бы думалъ, кто бы вѣдалъ, что здѣсь, въ глухой, мало кому извѣстной мѣстности совершится такое великое чудо, обновится Святая Икона, чрезъ нее будутъ совершаться великія чудеса—исцѣленія?

Я сама свидѣтельница этимъ чудесамъ, сама ихъ видѣла и могу смѣло засвидѣтельствовать, что они были.

Великъ Богъ, и нѣтъ конца Его милостямъ“...

Не окончивъ фразы, женщина впала въ истерику.

Все это такъ дѣйствовало на толпу, что какъ бы электрическій токъ прошелъ по ней, создавъ настроеніе, повысивъ религіозную возбудимость. Толпа богомольцевъ сначала притихла, а потомъ зашумѣла.

Слышались вздохи, плачъ, слова:.. „Господи, помилуй насъ, Владычица, Богородица, Дѣва Пречистая, помоги и спаси и сохрани насъ"..

— „Кто—эта женщина, спросилъ Брынскій у стоявшаго рядомъ съ нимъ человѣка. Не знаю, говоритъ прибыла изъ Луцка, давно живетъ здѣсь, отвѣтилъ сосѣдъ.

Появился Іеромонахъ, тотъ самый, который служилъ всенощную. Онъ шелъ, сопровождаемый священниками и другимъ Іеромонахомъ, окроплявшимъ за всенощной святой водой.

Началась литургія. Брынскій горячо молился. При дневномъ свѣтѣ образъ чудотворной Иконы Божіей Матери выглядывалъ еще рельефнѣе. Столько въ немъ было красоты и умиленія, что Брынскому вновь сильно захотѣлось прикоснуться къ нему.

Литургія, какъ показалось Брынскому, окончилась очень скоро. Весь народъ пѣлъ обѣдню. Самъ Брынскій съ какимъ то особымъ подъемомъ пѣлъ и его голосъ звучалъ особенно мелодично и мощно.

Своимъ пѣніемъ онъ обратилъ на себя вниманіе молящихся.

— „Гарно співає, ой, гарно" — слышалось вокругъ него. Литургія окончилась. Начался молебенъ. За молебномъ было сказано о. Іеромонахомъ прочувствованное слово.

Брынскій снова приложился къ Иконѣ, снова почувствовалъ какое то особенное благодатное настроеніе при цѣлованіи Св. Образа и поспѣшилъ въ хату гостепріимной женщины.

А въ хатѣ его уже дожидалась Стефанида Надеха. Это была женщина на видъ лѣтъ сорока, среднихъ лѣтъ, худощавая, съ блѣднымъ, когда то красивымъ, лицомъ, теперь—поблѣднѣвшимъ, подернутымъ морщинами. Она сидѣла съ хозяйкой и дружески разговаривала. Не представляясь, Брынскій запросто съ ней поздоровался.

— „Я попросилъ васъ сюда для того, чтобы разспросить васъ о томъ, какъ произошло чудо обновленія въ вашей хатѣ? Разскажите мнѣ по порядку".

Стефанида встала и начала разсказывать.

Просто, безыскусственно лилось ея повѣствованіе.

— „Обновилась Икона въ сосѣднемъ селѣ Обаровѣ, начала она свой разсказъ,—пошли мои двѣ дочери вмѣстѣ съ подругами туда на поклоненіе.

Приходятъ домой. Насталъ уже вечеръ. Зашла въ нашу хату одна изъ подругъ.

Сѣли и стали разговаривать.

Подруга, указывая на Образъ „Взысканіе погибшихъ", и говоритъ: „вотъ если бы цей Образъ обновился, я повѣрила бы".

Ничего на это мои дочери не отвѣтили. Подруга ушла; мы повечеряли и легли спать. Раненько утромъ 11-го апрѣля старшая моя дочь встала, чтобы идти на работу въ панскій лѣсъ: уговорилась идти вмѣстѣ съ подругами. Дожидаясь ихъ, сѣла за пяльцы и начала вышивать наволочку на подушку.

Взглянула на Иконы и видитъ, что коронка на Царицѣ Небесной сіяетъ „якъ солнышко".

Вскрикнула отъ удивленія. Мы тоже всѣ встали и начали разспрашивать, почему она закричала, а моя дочка и говоритъ: развѣ вы не видите, что Икона то наша обновилась. Мы взглянули—а и правда: коронка такъ и свѣтится. Набѣжали въ хату люди. Одни говорятъ, что это на ней солнце играетъ. Сняли Икону, положили за печку. а она свѣтитъ еще сильнѣе. Повѣсили Икону снова на стѣну.

Проходитъ день, а Икона все больше и больше обновляется. Обновлялась она пять дней и ночей. Я же все время не спала и молилась Богу. Глазами была слаба, два года ими страдаю, почти перестала видѣть. Вотъ на шестой день обновленія Св. Иконы Богъ смилостивился надо мною и подалъ мнѣ исцѣленіе, стала я видѣть теперь хорошо"..

— „А откуда у васъ эта Св. Икона"?

— „Отецъ мой служилъ въ россійской арміи, былъ на войнѣ въ Туреччинѣ, съ туркомъ воевалъ. Подарили ему тамошніе христіане болгаре эту Святую Икону: „возьми, говорятъ, себѣ на память, древній это образъ". Онъ взялъ и принесъ его домой, съ тѣхъ поръ и хранится онъ у меня. Замужъ вышла, съ собой его забрала: родители этимъ Образомъ благословили меня.

Вотъ теперь Богъ благословилъ, Она обновилась на глазахъ у всѣхъ людей"...

Брынскій поблагодарилъ Стефаниду за сообщеніе. Она поклонилась и вышла изъ хаты.

— „Ну, теперь мнѣ тоже нужно домой. Спасибо большое, хозяюшка, за гостепріимство. Я вамъ много обязанъ, примите и отъ меня подарокъ".

— „Что вы, панычъ, что вы, вы Божій гость, грѣхъ брать со странниковъ, богомольцевъ.

— Прощайте и идите съ Богомъ домой".

— „Ну, такъ и зналъ, что обидится",—подумалъ Брынскій, крѣпко подалъ хозяйкѣ руку, попрощавшись, спросилъ только теперь, какъ звать ее.,. и вышелъ изъ хаты, надѣвъ мѣшокъ на плечи, и съ палкой въ рукахъ отправился домой черезъ г. Ровно.

Когда проходилъ мимо палатки, снялъ шапку, истово перекрестился, поклонился и двинулся дальше..

А у палатки стояли густой стѣной богомольцы...

„Видите, видите, люди добрые, говорила одна пожилая женщина. Богъ черезъ Святую Икону подалъ мнѣ милость. Раньше на костыляхъ ходила, а теперь свободно хожу, ноги отъ ревматизма не двигались, а теперь свободно иду, какъ раньше ходила—до болѣзни"...

Іосифъ Перетрухинъ.

Церковная жизнь.

Изъ освѣдомленныхъ источниковъ сообщаютъ, что Митрополитъ Сергій, получивъ отвѣтъ Митрополита Евлогія, подвергъ его обсужденію въ кругу близкихъ ему лицъ. Рѣшено было дождаться полной информаціи о положеніи въ русской Церкви и рѣшенія Карловацкаго Собора, возглавляемаго Митрополитомъ Антоніемъ. Нынѣ Митрополитъ Сергій располагаетъ всѣми матеріалами, которые онъ представитъ Временному Синоду при себѣ на разсмотрѣніе вѣроятно еще въ сентябрѣ с. г. Изъ числа заточенныхъ епископовъ до сихъ поръ еще никто не освобожденъ. Не приходится теперь сомнѣваться, что это освобожденіе (въ отношеніи каждаго епископа — индивидуальное) поставлено въ зависимость отъ рѣшенія Синода, возглавляемаго Митрополитомъ Сергіемъ, по вопросу о заграничной Церкви. Агенты ГПУ настаиваютъ на исключеніи заграничнаго духовенства изъ клира Патріаршей Церкви и на вступленіи самого Митрополита Сергія въ управленіе заграничными приходами, которые объединяютъ вѣрующихъ, лояльныхъ совѣтской власти. Возвращеніе русской Православной (патріаршей) Церкви къ нормальной организаціи оффиціально не подтверждено совѣтскимъ правительствомъ. Митрополиту Сергію явочнымъ порядкомъ удалось устроить нѣкоторыя вто-

ростепенныя дѣла, но совѣтское правительство оставляетъ за собою свободу дѣйствій въ полномъ объемѣ, такъ какъ стѣснительныя мѣры—не отмѣнены. Положеніе Патріаршей Церкви мало измѣнилось. Оно—по прежнему безотрадно.

Въ Ригѣ состоялось засѣданіе латвійскаго православнаго Синода, на которомъ присутствовали представители рижскаго духовенства, а также благочинные провинціальныхъ округовъ. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ Архіепископа Іоанна и разсматривало рядъ вопросовъ, связанныхъ съ жизнью православной Церкви Латвіи. Были сдѣланы доклады объ общемъ положеніи Церкви и высказаны нужды отдѣльныхъ приходовъ въ провинціи. Наиболѣе существеннымъ явился вопросъ о распредѣленіи церковнаго имущества, возвращеннаго недавно изъ совѣтской Россіи. Имущество это, состоящее изъ церковныхъ колоколовъ, облаченій, иконъ и церковной утвари, распредѣлено между храмами, которымъ оно принадлежало до эвакуаціи, а также новыми, особенно нуждающимися въ немъ. По полученнымъ нами дополнительнымъ свѣдѣніямъ относительно реэвакуированныхъ цѣнностей православныхъ церквей оказывается, что возвращена лишь часть вывезеннаго въ годы войны изъ предѣловъ Латвіи имущества. Какъ уже сообщалось, въ Латвіи получены 101 колоколъ, около 200 пудовъ поврежденныхъ колоколовъ и др. предметы церковнаго обихода. До сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ совѣтской Россіи еще остается значительное количество имущества, принадлежащаго латвійскимъ православнымъ храмамъ и притомъ цѣннаго, на возвращеніе котораго трудно разсчитывать. Съ достовѣрностью извѣстно лишь о томъ, что совѣтскія власти рѣшили вернуть Латвіи большой 800-пудовый колоколъ рижскаго кафедральнаго собора.

Изъ Ревеля сообщаютъ, что тамъ было отпраздновано 25-лѣтіе храма Пюхтицкаго подворья. Торжественное богослуженіе по поводу юбилея совершено Митрополитомъ Александромъ и Епископомъ Печерскимъ Іоанномъ. На состоявшемся въ Ригѣ второмъ пастырскомъ собраніи были, въ числѣ прочихъ, затронуты вопросы о программѣ Закона Божія въ школахъ и объ устройствѣ благотворительныхъ вечеровъ въ пользу приходовъ. Для подробной разработки перваго вопроса составлена комиссія подъ предсѣдательствомъ прот. Н. Перехвальскаго, которой поручено установить программу. По второму вопросу вынесено рѣшеніе допускать устройство вечеровъ въ пользу приходовъ съ соотвѣтствующей программой, изъ которой впредь должны быть исключены модные танцы, а также вошедшее въ послѣднее время въ обиходъ гаданіе.

Сотрудникъ газеты „Сегодня", побывавшій въ Москвѣ, навѣстилъ въ Сокольникахъ въ бревенчатой дачкѣ нынѣшняго Мѣстоблюстителя Патріаршаго Престола Митрополита Сергія и спросилъ его мнѣнія по вопросу объ устройствѣ въ Москвѣ большевиками крематорія. Свой разговоръ съ Митрополитомъ Сергіемъ г. Шалфеевъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

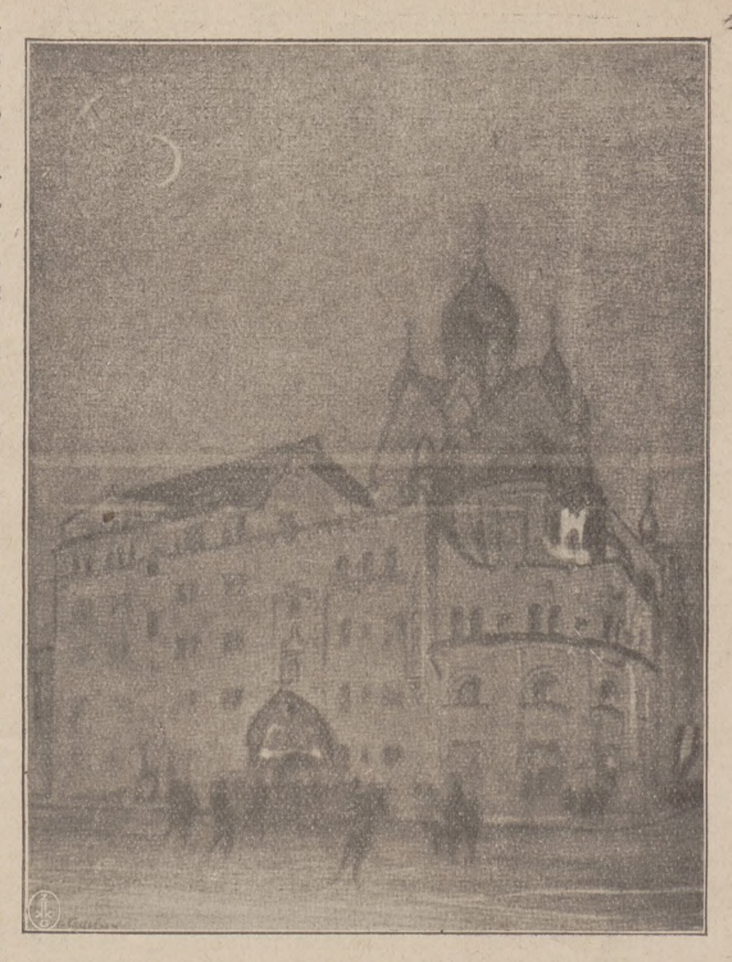
„По затронутому вами вопросу единолично высказаться не могу: онъ будетъ включенъ въ порядокъ дня предстоящаго Всероссійскаго Церковнаго Собора".

— А ваше личное мнѣніе, владыка?

„Я не углублялся въ этотъ вопросъ, но рѣзко отрицательной позиціи не хотѣлъ бы занять. Исторія церкви передаетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда тѣла христіанъ и даже мучениковъ бывали сожжены и говоритъ, что останки замученныхъ бережно собирались близкими и погребались въ катакомбахъ и на кладбищахъ. Разумѣется, погребеніе пепла здѣсь сопровождалось заупокойными молитвами. Впрочемъ, повторяю, что по этому вопросу должна высказаться высшая инстанція церкви—Церковный Соборъ".

Старый профессоръ Московской духовной академіи слѣдующимъ образомъ дополнилъ слова Митрополита:

— „Мы очень спокойно смотримъ на кремацію. Коммунисты полагаютъ, что сожженіе тѣла умершихъ православныхъ явилось бы какимъ-то „сдвигомъ" въ сторону новаго быта. Да, это было бы такъ, если бы кремація допускалась безъ предварительнаго отпѣванія тѣла по православному обряду. Конечно, весь строй чина погребенія построенъ такъ, что относится именно къ тѣлу, а не къ пеплу и въ угоду сторонниковъ кремаціи пришлось бы измѣнить церковное чинопослѣдованіе. Этого не будетъ. Будущій соборъ въ лучшемъ случаѣ разрѣшитъ сожженіе тѣла послѣ того, какъ совершено отпѣваніе и со словами „земля еси въ землю отыдеши" закрытъ навсегда гробъ. Какимъ образомъ тѣло обратится въ прахъ послѣ того, какъ съ нимъ навсегда простились Церковь и близкіе, мало существенно. Но кремаціи безъ отпѣванія мы не допустимъ, какъ акта, противорѣчащаго духу Православной Церкви".



Православный Каѳедральный Соборъ Воскресенія Христа съ Русскимъ Домомъ въ Берлинѣ.

Русская эмигрантская печать сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о строящемся въ столицѣ Германіи новомъ Православномъ храмѣ.

До войны православные, пріѣзжавшіе въ Берлинъ, пользовались русск. церковью въ домѣ русск. посольства, такъ какъ постоянныхъ русскихъ жителей въ Берлинѣ было не много,—его больше посѣщали проѣздомъ,—то церкви этой вполнѣ хватало, за исключеніемъ большихъ праздниковъ, когда весь дворъ посольства запружался народомъ.

Съ передачей зданія посольства сов. полпредству, церковь была уничтожена и помѣщеніе ея за-

нято канцеляріей полпредства. Существующія двѣ постоянныя небольшія церкви близъ Берлина слишкомъ отдалены отъ центра города, чтобы молящіеся могли ими регулярно пользоваться. Епископъ Берлинскій Тихонъ устроилъ маленькую церковь, занявшую двѣ комнаты въ домѣ русск. гимназіи Св. Георгія но помѣщеніе это далеко не удовлетворяетъ по своимъ размѣрамъ.

Епископъ Тихонъ постоянно лелѣялъ мечту построить въ Берлинѣ церковь. Въ 1923 г. ему удалось при помощи двухъ прихожанъ пріобрѣсть за ничтожную цѣну прекрасный угловой участокъ.

Много помогли епископу ктиторъ церкви С. Н. Абрикосовъ и членъ совѣта бар. Крюденеръ-Струве. Не имѣя наличныхъ денегъ, удалось войти въ соглашеніе съ извѣстнымъ въ Берлинѣ строительнымъ акц. о-вомъ, которое очень сочувственно отнеслось къ плану и изъ числа многихъ другихъ фирмъ, дѣлавшихъ предложенія, взялось за наименьшую цѣну произвести постройку и начать ее безъ всякаго задатка. Далѣе удалось получить временный кредитъ въ частномъ банкѣ, а недавно и ссуду подъ первую закладную въ размѣрѣ 450 тысячъ съ погашеніемъ въ 26 лѣтъ.

Строится жилой домъ на 30 квартиръ съ лиш. въ связи съ церковью въ верхнемъ этажѣ, вмѣстимостью на 600 челов. Наемная плата за квартиры покроетъ по смѣтѣ съ нѣкоторымъ излишкомъ проценты по ссудѣ съ погашеніемъ и расходы по дому; въ верхнемъ этажѣ послѣдняго будутъ за минимальную цѣну сдаваться 12 комн. неимущимъ русскимъ, а въ подвалѣ предполагается устроить столовую, также для неимущихъ. По смѣтѣ постройка обойдется въ 650 тысячъ марокъ.

У насъ.

Самымъ крупнымъ событіемъ въ политической жизни Польши за истекшее со времени написанія послѣдняго нашего обозрѣнія этой жизни время является, несомнѣнно, достигнутое между правительствомъ Рѣчипосполитой и консорціумомъ американскихъ банковъ соглашеніе о внѣшнемъ займѣ. Въ предыдущихъ нашихъ статьяхъ мы въ достаточной мѣрѣ подробно останавливались на томъ значеніи, которое имѣетъ для Польши заключеніе этого займа, а потому въ сегодняшнемъ номерѣ ограничимся изложеніемъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя сопутствовали его заключенію. Какъ извѣстно переговоры о предоставленіи Польшѣ крупнаго внѣшняго займа — самаго крупнаго въ исторіи независимаго польскаго государства—начались сравнительно давно. Въ началѣ этого года былъ моментъ, когда соглашеніе казалось почти достигнутымъ, но нѣкоторыя обстоятельства помѣшали его окончательному достиженію и наличіе дальнѣйшаго контакта между Польшей и той группой американскихъ банкировъ, которая интересовалась вопросомъ о предоставленіи займа Польшѣ, выразилось лишь въ предоставленіи Польшѣ небольшого краткосрочнаго кредита, который тогда предполагалось включить въ общую сумму болѣе крупнаго займа въ случаѣ достиженія соглашенія объ его заключеніи. Въ послѣднихъ числахъ сентября въ Варшаву вновь прибыли для переговоровъ о займѣ представители американскихъ банкировъ—г.г. Іонеттъ и Фишеръ. Переговоры между названными лицами и представителями правительства велись при личномъ участіи г. Президента Республики, г. предсѣдателя совѣта министровъ маршала Пилсудскаго, его помощника по совѣту министровъ г. Бартеля и министра финансовъ г. Чеховича, изъ которыхъ двое послѣднихъ непосредственно совѣщались съ американскими финансистами, а двое первыхъ интересовались всѣми подробностями переговоровъ, заботясь объ охраненіи государственныхъ интересовъ Польши при заключеніи перваго крупнаго внѣшняго займа. Общественное мнѣніе Польши правильно оцѣнило все большое хозяйственное и политическое значеніе переговоровъ о займѣ и потому проявило къ этимъ переговорамъ большой интересъ. И надо сказать, что это общественное мнѣніе было изрядно взволнованно, когда въ переговорахъ наступилъ критическій моментъ, въ который нельзя было сказать—будетъ ли достигнуто соглашеніе, или нѣтъ. Оффиціальнымъ мотивомъ расхожденія между правительствомъ и американскими представителями явился вопросъ объ эмиссіонномъ курсѣ займа, т. е., какъ мы это уже объясняли на столбцахъ „Воскреснаго Чтенія", о той суммѣ, которую Польша фактически получаетъ при заключеніи займа на его облигаціи. Иностранные финансисты поставили условія, которыя представителями правительства были признаны несоотвѣтствующими государственнымъ интересамъ и престижу Польши. Объ этомъ было сообщено американцамъ, которымъ при этомъ было дано понять, что на невыгодныхъ и несоотвѣтствующихъ достоинству государства условіяхъ Польша займа не заключитъ. Вся польская печать единодушно поддержала позицію правительства, и въ переговорахъ былъ моментъ, когда ихъ неудача могла казаться болѣе, чѣмъ вѣроятной. Наконецъ правительство сообщило американцамъ свои окончательныя условія по вопросу объ эмиссіонномъ курсѣ займа, и американскіе представители запросили инструкцій отъ уполномочившихъ ихъ на переговоры банковъ. Два дня длилось волнующее и неопредѣленное положеніе. Черезъ два дня—12 октября с. г.—стало извѣстнымъ, что американскіе банки приняли предложеніе польскаго правительства, согласились на условія, поставленныя имъ по вопросу объ эмиссіонномъ курсѣ облигацій займа, и готовы заключить на этихъ условіяхъ договоръ о займѣ. Общественное мнѣніе вздохнуло съ облегченіемъ. На пути къ окончательной стабилизаціи существующаго экономическаго положенія Польши и къ созданію прочной основы подъ дальнѣйшее его благопріятное развитіе былъ пройденъ весьма значительный этапъ.

Съ заключеніемъ иностраннаго займа связано не только временное пополненіе запасовъ Польскаго Банка крупными суммами въ иностранныхъ валютахъ. Тотъ заемъ, о которомъ правительству Маршала Пилсудскаго удалось достигнуть соглашенія съ американскими банкирами, кладетъ гораздо болѣе широкое основаніе подъ всю экономическую и финансовую жизнь Польши въ ближайшее будущее. И значеніе займа, поэтому, соотвѣтственнымъ образомъ значительнѣе и шире.

Дѣло въ томъ, что съ заключеніемъ займа связано проведеніе въ жизнь цѣлаго заранѣе выработаннаго плана стабилизаціи финансово-экономическихъ отношеній въ странѣ. Планъ этотъ выработанъ былъ давно, неосуществленіе его находилось въ зависимости отъ притока свѣжаго иностраннаго капитала, который и имѣетъ въ настоящее время мѣсто въ формѣ заключенія внѣшняго займа. А о значеніи осуществленія такого плана говорить не приходится. Поскольку прошлогодній майскій государственный переворотъ положилъ предѣлъ колебаніямъ и неопредѣленному положенію во внутренней политической и государственной жизни Польши—постольку въ Польской государственной жизни произошла стабилизація внутреннихъ политическихъ отношеній на какой-то прочной и постоянной основѣ. Можно сказать, что въ этомъ

отношеніи майскій переворотъ былъ вторымъ этапомъ въ жизни Польскаго государства. Первымъ было достиженіе независимости и установленіе границы государства. Вслѣдъ за первыми двумя, стабилизировавшими внѣшнія и внутреннія политическія условія жизни Польши, долженъ былъ наступить третій — стабилизація условій экономической, хозяйственной жизни, прекращеніе періода временныхъ неопредѣленностей и начало періода прочнаго положенія, при которомъ возможно нормальное и здоровое развитіе производительныхъ силъ страны. Возможность осуществленія этого третьяго этапа, возможность стабилизаціи условій хозяйственной жизни Польши на прочныхъ основаніяхъ создаетъ нынѣ заключеніе внѣшняго займа и съ этой точки зрѣнія заключеніе это слѣдуетъ привѣтствовать, какъ залогъ преуспѣянія государства, безъ котораго невозможно преуспѣяніе и благоденствіе его отдѣльныхъ гражданъ.

Обращаясь отъ экономической къ политической жизни Польши, отмѣтимъ появившіяся въ варшавской печати слухи о томъ, что правительство якобы разрѣшило спорный до сихъ поръ юридическій вопросъ о томъ, когда истекаютъ полномочія нынѣшняго состава законодательныхъ палатъ—Сената и Сейма. Если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, срокъ этотъ установленъ на 30 ноября с. г. Въ этотъ день нынѣшній составъ польскаго парламента уже не будетъ имѣть законнаго основанія къ выполненію своихъ обязанностей народнаго представительства, и передъ правительствомъ, обществомъ и націей станетъ перспектива новыхъ парламентскихъ выборовъ. Если сообщеніе газетъ о срокѣ истеченія парламентскихъ полномочій и роспуска существующаго состава законодательныхъ палатъ вѣрно, то изъ него вытекаютъ весьма важныя соображенія о возможномъ срокѣ назначенія новыхъ парламентскихъ выборовъ. Теоретически по закону выборы эти могутъ состояться въ любой воскресный день въ теченіе 90 дней со дня истеченія срока парламентскихъ полномочій предыдущаго состава парламента. т. е., въ случаѣ дѣйствительнаго роспуска нынѣшняго состава парламента 30 ноября с. г. новые выборы должны были бы состояться не позже 29 февраля 1928 г. По свѣдѣніямъ одной изъ варшавскихъ газетъ, они состоятся 25 февраля будущаго года, а первое засѣданіе вновь избраннаго на основаніи этого порядка парламента состоится 19 марта 1928 г. Конечно, ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ и срокамъ необходимо относиться съ нѣкоторой осторожностью. Ничего оффиціальнаго пока объ этомъ неизвѣстно. Но сущности вопроса это не мѣняетъ. Недѣлей позже, недѣлей раньше, но роспускъ существующаго состава парламента неизбѣженъ. Недѣлей раньше недѣлей позже, а выборы въ новый парламентъ состоятся и той серьезной политической борьбы, которая разыграется между отдѣльными польскими и непольскими политическими партіями во время этихъ выборовъ, Польшѣ не избѣжать. Послѣдніе парламентскіе выборы происходили, какъ извѣстно, въ 1922 году. Съ тѣхъ поръ не мало воды утекло и многое измѣнилось, какъ въ положеніи государства, такъ и въ настроеніяхъ и политическихъ симпатіяхъ населенія. Новымъ выборамъ суждено выявить эти перемѣны, опредѣлить дѣйствительный обликъ политическихъ симпатій Польши — и въ этомъ ихъ основное большое значеніе. Дѣлать какія-либо предположенія о томъ, что могутъ дать Польшѣ предстоящіе парламентскіе выборы въ смыслѣ состава будущаго Сената и Сейма пока, конечно, преждевременно. Но если строить свои предположенія хотя бы на результатахъ выборовъ въ городскія думы, происходившихъ въ послѣднее время въ различныхъ городскихъ центрахъ государства, то придется признать, что съ 1922 года въ настроеніяхъ населенія польскихъ городовъ произошли большія измѣненія, съ которыми нельзя не считаться и которыя несомнѣнно отразятся также на результатахъ будущихъ парламентскихъ выборовъ. Перемѣны эти можно въ общемъ охарактеризовать какъ полѣвѣніе настроеній и симпатій польскаго населенія страны и относительное укрѣпленіе и усиленіе удѣльнаго вѣса меньшинственныхъ группировокъ безъ различія національности. Изъ національныхъ меньшинствъ нѣсколько ослабѣла, какъ будто, только позиція еврейскаго. Это на первый взглядъ странное обстоятельство объясняется однако тѣмъ, что нѣкоторое количество голосовъ еврейскихъ избирателей падало во время городскихъ выборовъ и падетъ во время парламентскихъ выборовъ на коммунистическіе списки, не могущіе разсчитывать въ Польшѣ на сколько-нибудь серьезный успѣхъ, но все же оттягивающіе извѣстное число голосовъ отъ списковъ лѣвыхъ польскихъ и меньшинственныхъ партій.

Заграницей.

Московскій комитетъ коммунистической партіи исключилъ изъ московской организаціи коммунистовъ Преображенскаго, Шарова и Серебрякова, составлявшихъ такъ наз. „боевую тройку" оппозиціи, работавшую подъ непосредственнымъ руководствомъ Троцкаго. Центральная контрольная комиссія пока еще не утвердила этого исключенія, такъ какъ Сталинъ надѣется, что оппозиціонеры принесутъ покаяніе. На совѣщаніи московской организаціи Ухановъ съ грустью констатировалъ, что не смотря на всѣ принятыя мѣры оппозиція въ Москвѣ продолжаетъ свою зловредную дѣятельность. Единственно „отраднымъ" фактомъ является то, что Каменевъ, видимо, собирается покидать оппозиціонные ряды.

Агентство „Гавасъ" опубликовало три документа французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, относящихся къ дѣлу Раковскаго.

Французскій кабинетъ министровъ еще 30 сентября т. г. уполномочилъ французскаго посла въ Москвѣ Эрбетта въ устной формѣ потребовать отъ совѣтскаго правительства отозванія изъ Парижа посла СССР Раковскаго. Вмѣсто заболѣвшаго комиссара иностранныхъ дѣлъ Чичерина, Эрбеттъ былъ принятъ 1 октября с. г. Литвиновымъ.

Эрбеттъ продиктовалъ Литвинову слѣдующее сообщеніе совѣтскому правительству:

„Французскій кабинетъ министровъ съ цѣлью содѣйствовать хозяйственнымъ и политическимъ переговорамъ между правительствомъ Франціи и совѣтскимъ единогласно призналъ необходимость добиться отъ совѣтскаго правительствъ отозванія изъ Парижа его нынѣшняго посла. Я уполномоченъ энергичнѣйшимъ образомъ настаивать на томъ, чтобы желаніе правительства Франціи было немедленно исполнено. Отозваніе Раковскаго можетъ послужить только на пользу улучшенія отношеній между обоими государствами".

Директоръ народнаго комиссаріата иностранныхъ дѣлъ Караханъ передалъ 4 октября письменное сообщеніе Чичерина послу Франціи Эрбетту.

Въ сообщеніи говорится, что съ точки зрѣнія совѣтскаго правительства отозваніе Раковскаго было бы нежелательнымъ. Требованіе французскаго правительства при учетѣ тѣхъ успѣховъ, какіе достигнуты въ вопросѣ о долгахъ, благодаря энергичной дѣятельности именно Раковскаго, непонятно и въ высшей степени угрожаетъ переговорамъ, которые уже начаты между обоими правительствами по вопросамъ о долгахъ, кредитахъ и по другимъ важнымъ вопросамъ.